

ЗА ЛИНИЕЙ ФРОНТА

М Е М У А Р Ы

Отто Скорцени

СЕКРЕТНАЯ КОМАНДА

**ВОСПОМИНАНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ
СПЕЦПОДРАЗДЕЛЕНИЯ НЕМЕЦКОЙ РАЗВЕДКИ**

1939—1945

За линией фронта. Мемуары

Отто Скорцени

**Секретная команда.
Воспоминания руководителя
спецподразделения немецкой
разведки. 1939—1945**

«Центрполиграф»

УДК 94(4)"1939/1945"
ББК 63.3(4)62

Скорцени О.

Секретная команда. Воспоминания руководителя
спецподразделения немецкой разведки. 1939—1945 /
О. Скорцени — «Центрполиграф», — (За линией фронта.
Мемуары)

ISBN 978-5-9524-5339-5

Отто Скорцени, оберштурмбаннфюрер СС, профессиональный разведчик, выполнявший секретные задания Гитлера в разных странах, – одна из самых известных и загадочных личностей Второй мировой войны. В своих воспоминаниях он рассказывает об участии в боях на Восточном фронте, о том, как стал руководителем формирования особого назначения и в этом качестве выполнил операцию по освобождению Муссолини, которая принесла ему мировую славу и Рыцарский крест. Акция стоила больших жертв, но кто считает потери, когда цель достигнута! Скорцени талантливо, ярко и подробно описывает разработанные им операции, которыми сам и руководил, хотя некоторые из них с треском провалились, что, впрочем, не повлияло на его самооценку. По окончании войны в мае 1945 г. он сдался американцам, а в июле 1948 г. выполнил еще одну операцию – организовал собственный побег из лагеря военнопленных. Этой датой заканчиваются воспоминания супердиверсанта Отто Скорцени. Книга впервые издается без купюр.

УДК 94(4)"1939/1945"

ББК 63.3(4)62

ISBN 978-5-9524-5339-5

© Скорцени О.
© Центрполиграф

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Отто Скорцени
Секретная команда. Воспоминания
руководителя спецподразделения
немецкой разведки. 1939—1945

*Всем боевым товарищам, павшим в войне 1939–1945 годов,
посвящается*

Otto Skorzeny
GENEIMKOMMANDO SKORZENY

Серия «За линией фронта. Мемуары» выпускается с 2002 года

Глава 1

Кайзеровская Вена. – Школьные годы. – Депрессия и безработица. – Студенческий добровольческий корпус. – Начало профессиональной деятельности. – Знакомство с НСДАП. – Свадебное путешествие в Италию. – В составе Германского гимнастического союза. – Страсти в Вене. – Моя первая миссия. – Доброволец. – Последний мирный отпуск. – Мобилизационное предписание. – Европейская молодежь. – Направление в СС. – «Дело не в Рыцарском кресте!»²

12 июня 1908 года роскошный разноцветный кортеж проследовал по улицам старой кайзеровской Вены, встречаемый восторженными толпами народа, праздновавшего шестидесятилетний юбилей правления кайзера Франца-Иосифа I. В этот день сразу пополудни моя мать, еще с утра любовавшаяся праздничным шествием, подарила мне жизнь.

Перед Первой мировой войной я был еще совсем ребенком, и это время помню только со слов родителей. Школьные годы тоже не оставили в моей памяти сколь-либо заметного отпечатка. Ведь гибель старой монархии не вызвала у нас, молодого поколения, какого-то серьезного потрясения. Молодежь вообще быстро забывает прошлое, и мы радовались каждому проявлению улучшения жизни.

В школе мне особенно легко давались естественные науки, такие предметы, как математика, геометрия, физика и химия. А вот иностранные языки, французский и английский, несколько напрягали. Особенно я любил заниматься спортом и никогда не пропускал так называемые «послеобеденные занятия на свежем воздухе», поскольку физическое совершенствование тела было моей настоящей потребностью. Мы обожали командные игры в мяч, а мне в особенности нравился футбол. Я регулярно защищал интересы своей школы в составе сборной команды на проводившихся каждое лето чемпионатах средних учебных заведений. Не скажу, что в различных видах спорта мне удавалось достичь каких-либо особых результатов, но я везде добивался хороших средних показателей.

Мой выбор, где учиться после школы, был предопределен. Мне хотелось стать инженером, как мой отец и брат. У меня довольно рано проявилась любовь к технике, и я всегда интересовался техническими новинками, что лишний раз подтвердилось осенью 1926 года во время слушания лекций по машиностроению уже в первом семестре в Венском техническом университете.

Зимой 1928/29 года я с успехом выдержал первый государственный экзамен, оставив, таким образом, позади себя начальный этап обучения, представлявший собой по существу освоение теории. После этого мы наконец-то приступили к изучению практических предметов по курсу машиноведения.

В 1926 году я стал членом задиристой студенческой корпорации и обрел круг друзей, сохранившийся и после окончания учебы в университете. В этой корпорации из нас, мальчишек, воспитывали настоящих мужчин, чтобы со временем мы смогли успешно выстоять в борьбе за существование. Выставленные напоказ в книгах и фильмах пороки, в особенности связанные со злоупотреблением алкоголем, уже в то время считались пережитками прошлого.

¹ НСДАП – Национал-социалистическая немецкая рабочая партия в Германии, существовавшая с 1920 по 1945 г. С июля 1933 г. до мая 1945 г. являлась правящей и единственной законной партией в фашистской Германии. Распушена по решению созданного союзниками по антигитлеровской коалиции оккупационного Контрольного совета. На Нюрнбергском процессе ее руководящий состав был объявлен преступным, а идеология НСДАП названа одной из главных причин войны. (Здесь и далее примем, ред.)

² Рыцарский крест – в фашистской Германии первая степень ордена Железного креста, учрежденного по приказу Гитлера в 1939 г.

Нас учили, что мы, как мужчины, должны отвечать за свои слова и поступки, а в случае необходимости отстаивать собственные убеждения с оружием в руках. Мы обучались также сносить удары, не забывая о хороших манерах, и стискивать зубы тогда, когда хотелось кричать. Позже в некоторых перипетиях моей жизни я был благодарен этой привитой твердости по отношению к самому себе. Однако не берусь утверждать, что подобное воспитание не наложило на нас и другой отпечаток.

Официально разрешенная демонстрация (митинг протеста населения против запрета Антанты³, одобренного австрийским парламентом объединения республики Немецкая Австрия⁴ с Германией), проводившаяся ежегодно в сентябре на площади Героев в Вене и совершенно не носившая какого-либо партийного оттенка, являлась единственным политическим мероприятием, которое я посещал вплоть до конца моей учебы в университете. Политические баталии, бушевавшие в парламенте, мною, как и большей частью молодежи, воспринимались как бесполезная болтовня.

Австрийская экономика еще не преодолела откат, вызванный войной, как нагрянула неслыханных масштабов инфляция, нанеся дополнительный урон. Все более возрастала социальная напряженность, раздуваемая различными политическими движениями и усиливавшаяся вследствие безработицы, которую никак не удавалось победить. В конце концов все это вылилось в протесты, нашедшие свое первое вполне осязаемое воплощение в июльских беспорядках 1927 года, вошедших в историю моего родного города под названием «пожар Дворца юстиции» в Вене⁵. В качестве ответных мер на данные события на базе высших учебных заведений был сформирован так называемый «академический легион», единственным предназначением которого являлось оказание помощи властям в поддержании общественного порядка и укреплении авторитета государства. Я тоже вступил в ряды этого объединения, которое в скором времени переросло в «студенческий добровольческий корпус», примыкавший, в свою очередь, к давно существовавшему хеймверу⁶.

В те годы хеймвер однозначно провозгласил свой отказ от превращения в политическую партию. К сожалению, в дальнейшем, на мой взгляд, ему, чтобы завоевать влияние, пришлось пройти весьма трагический путь. Постепенно он все же начал превращаться в партию и получил соответствующее название – Блок «Родина». Когда в 1930 году данная тенденция стала проявляться все более отчетливо, это послужило для меня и моих товарищей сигналом для выхода из студенческого добровольческого корпуса. Мы не хотели иметь ничего общего с партийной политикой и не желали, чтобы нами манипулировали в партийно-политических целях.

Зимой 1931 года я приступил к выпускному испытанию в техническом университете. Шестидесятидневная письменная экзаменационная работа, касавшаяся расчетов и устройства автомобильного дизельного мотора, оказалась на редкость удачной. Вскоре после этого, к моему великому удивлению, я блестяще выдержал и второй, уже устный экзамен, оказавшись лучшим среди выпускников. Теперь передо мной был открыт путь к профессиональной деятельности в качестве дипломированного инженера в области производства машин и механизмов. Однако сказать об этом оказалось проще, чем осуществить на деле. Ведь тогда Австрию,

³ Антанта (от *фр.* entente – согласие) – военно-политический блок России, Великобритании и Франции, созданный в 1904–1907 гг. в качестве противовеса Тройственному союзу (военно-политическому блоку Германии, Австро-Венгрии и Италии, сложившемуся в 1882 г.) и завершивший размежевание великих держав накануне Первой мировой войны.

⁴ Немецкая Австрия – часть Австро-Венгрии с преимущественно немецкоязычным населением.

⁵ Автор имеет в виду события в Вене, поводом для которых послужило решение суда от 14 июля 1927 г. об оправдании фашистских бандитов, расстрелявших рабочих в небольшом пограничном городке, вызвавшее взрыв возмущения. Заводы встали, рабочие вышли на улицу, двинулись ко дворцу юстиции и подожгли его. 15 и 16 июля в предместьях Вены в рабочих кварталах возникли баррикады и дело дошло до вооруженных столкновений с полицией. Восстание было жестоко подавлено.

⁶ Хеймвер – националистическое, военизированное объединение Союз защиты родины, созданное в основном из солдат, демобилизованных после Первой мировой войны, и действовавшее в Австрии с 1919 по 1938 г.

как, впрочем, и Германию, потрясал тяжелейший экономический кризис, достигший, как нам казалось, пика именно в это время.

В многочисленных местах, где предварительно я получал одобрение, в работе мне отказывали, поскольку фирмы были вынуждены сокращать даже кадровых работников. Только позже я стал баловнем случая, и мне в течение нескольких лет, несмотря на жесточайшую конкуренцию, удалось развить маленькое строительное предприятие, которым я руководил в качестве коммерческого директора, в солидную и уважаемую компанию.

Начиная примерно с 1929 года НСДАП добилась заметных успехов и в Австрии. До того она представляла собой относительно небольшую и к тому же раздробленную группу. Как бы то ни было, часть моих знакомых и друзей оказались членами этой партии, превращавшейся в Германии во влиятельный фактор общественной жизни. Я же первоначально отметал всякую мысль о вступлении в нее, так как требования этого движения, казавшегося мне пришедшим со стороны, представлялись не совсем отвечающими интересам нашей родины.

Тем не менее я стал интересоваться ее основными идеями, в особенности программными положениями, касавшимися экономических и социальных вопросов. В программе НСДАП содержались и положения, отражавшие нашу давнюю мечту о «присоединении». В результате первое же посещение политического собрания стало решающим для моего дальнейшего пути.

Летом 1932 года доктор Геббельс выступил в Вене на переполненной зрителями арене «Энгельманн». Его рассуждения по социальным вопросам и обещание прекратить непродуктивные баталии политических партий явились для меня определяющими, и вскоре я превратился в сторонника партии. Для вступления в партию необходимо было целый год значиться в качестве ее сторонника, причем активного участия в движении от меня никто не требовал. Я посещал собрания и платил членские взносы. В июне 1933 года такое обозначение участия в политической жизни закончилось – решением правительства Дольфуса⁷ НСДАП была запрещена.

Еще будучи студентом, в 1930 году во время очередного заплыва я познакомился с одной веселой и очаровательной венкой. Вскоре наше мимолетное знакомство переросло в настоящую дружбу. Когда же в 1933 году мне посчастливилось занять должность коммерческого директора лесозаготовительного предприятия, появилась и возможность экономически обеспечить совместное проживание двух персон. В мае 1934 года мы поженились и на собственном мотоцикле с коляской отправились в свадебное путешествие в Италию.

Как истинный австриец, я поехал в Италию не без определенных предубеждений. Горечь от отторжения Южного Тироля⁸ после Первой мировой войны и потери красивейшей части немецкоговорящей Австрии еще отравляла наши сердца.

Да и сам отход Италии от Тройственного союза в 1916 году, приходившийся на времена нашей юности, не остался забытым, ложившись, возможно и несправедливо, тяжелым обвинением в адрес всего итальянского народа. Поэтому я радовался не перспективам общения с итальянцами, а возможности полюбоваться красотами ландшафта и историческими памятниками Италии. Однако вскоре мне пришлось переменить свое отношение к итальянцам, которые оказались такими же жизнерадостными, как и близкие по крови австрийцы и немцы. Со всеми людьми можно было великолепно пообщаться. Да что там поговорить, даже стать друзьями, если, конечно, толерантно относиться к их естественным особенностям и не забывать, что и немцы имеют свои национальные недостатки.

Болонья, Флоренция, Пиза, Анкона, Равенна и Венеция, не считая Рима, были городами, в которых мы останавливались во время нашего путешествия. Абрुццо – область с

⁷ Дольфус Энгельберт (1892–1934) – австрийский политический деятель, лидер Христианско-социальной партии, позднее Отечественного фронта, канцлер Австрии в 1932–1934 гг.

⁸ Южный Тироль и сейчас является немецкоговорящей провинцией, расположенной на самом севере Италии.

дикими и гордо вздымающимися ввысь горными хребтами, ставшими позднее свидетелями одной известной моей операции в годы войны, тогда являлась для туристов и путешествующих молодоженов не более чем красивой картинкой среди многих чудесных пейзажей.

После возвращения в Вену будни вновь вступили в свои права. Мои юношеские амбиции не хотели мириться с тогдашними размерами руководимого мною предприятия. Его следовало расширить и значительно улучшить. Мне, как инженеру, хотелось использовать свои собственные новые идеи. К тому же кризису, в котором пребывала Австрия, не было конца. Он хватал за горло всех без исключения – и предпринимателей, и рабочих. Разорвалось одно старинное строительное предприятие за другим. Оставалось только, не теряя мужества и веры в себя, идти на работу и трудиться, трудиться и еще раз трудиться.

Несмотря на бедственные времена, предприятие не только удалось удержать на плаву, но даже расширить. Кроме того, был создан хороший и крепкий костяк из числа кадровых рабочих. И хотя большинство из них разделяло ультраправые политические взгляды, я смог установить со всеми отличные отношения. Во время работы на нашем предприятии столь любимые повсюду «политдискуссии» не приветствовались. Мои рабочие хорошо знали, что я не терплю никакой активной политической деятельности.

Однако упорный повседневный труд привнес в мою жизнь весьма печальные и достойные всяческого сожаления перемены. Мы с женой отдалились друг от друга. Развитие наших личностей пошло разными путями. Между нами состоялся весьма серьезный разговор, в ходе которого мы пришли к выводу, что лучше разойтись, чем становиться обузой друг для друга. В результате в 1936 году наш брак распался. И сегодня меня радует, что я могу без всякой неприязни вспоминать те дни. Когда в 1946 году в лагере для военных преступников в Дахау⁹ мне довелось переживать самое тяжелое время в моей жизни и внутренне роптать на Бога и весь мир, я искренне порадовался ободряющему письму, полученному от моей первой жены. Оно явилось тем редким лучиком света, который тогда проник ко мне.

В 1935 году я вступил в единственный функционировавший в то время Немецкий гимнастический союз. В вечерние часы здесь предоставлялась возможность заниматься физическим развитием своего тела. Поскольку общественные мероприятия разрешалось проводить только близким к австрийскому правительству обществам, то большая часть молодежи, в том числе и из круга моих друзей, воздерживалась от их посещения. Мы собирались в нескольких небольших клубах или частных кружках, которые можно было по пальцам пересчитать. В них я познакомился с массой прекрасных людей – врачами, мелкими фабрикантами, юристами и представителями прочих профессий, – происходивших из солидных буржуазных венских семей, ставших к тому времени редкостью.

События февраля – марта 1938 года явились для широкой общественности, как, впрочем, и для меня, полной неожиданностью. О действительном положении вещей нас проинформировали газеты, и то довольно смутно. В любом случае речь шла о восстановлении нормальных отношений между Германией и Австрией, а также о подлинном внутреннем примирении. Объединения обеих стран никто не видел даже в самых смелых мечтах. Когда же 12 февраля федеральный канцлер Шушниг¹⁰ посетил с визитом Берхтесгаден¹¹, мы были уверены, что вскоре назревшие вопросы разрешатся самым благоприятным образом. Все круги венского населения охватила лихорадка ожидания этого политического решения. И вот в своей речи

⁹ Лагерь для военных преступников в Дахау находился в американской зоне оккупации Германии на месте бывшего нацистского лагеря смерти.

¹⁰ Шушниг Курт Алоис Йозеф Иоганн фон (1897–1977) – преемник Дольфуса, федеральный канцлер Австрии в 1934–1938 гг. вплоть до кризиса 1938 г., который привел к аннексии страны нацистской Германией.

¹¹ Берхтесгаден – город в Германии в земле Бавария в предгорьях Альп.

перед активистами Отечественного фронта¹² от 9 марта в Инсбруке¹³ федеральный канцлер провозгласил о предстоящем в ближайшее воскресенье народном голосовании.

10 и 11 марта напряжение в Вене достигло апогея. В наиболее худшее положение, как нам казалось, попали государственные служащие, которым предстояло голосовать в своих учреждениях. Лично я был полон решимости проигнорировать это голосование. Из бесед со своими знакомыми и друзьями мне стало известно, что такого же мнения придерживаются многие граждане. Однако внутреннего удовлетворения от данного решения не наступало.

В рамках Немецкого гимнастического союза уже давно были созданы так называемые взводы обороны, в одном из которых состоял и я. В связи с возникновением в Вене угрожающей ситуации 12 марта 1938 года после полудня нам назначили сбор в своих гимнастических залах. Только я хотел переодеться в раздевалке гимнастического зала нашего союза, как по радио передали сообщение об отставке правительства Шушнига. Оно прозвучало подобно разрыву бомбы.

Мы все приветствовали отставку старого правительства, которое на протяжении последних шести лет ограничивалось только изданием декретов и показало себя неспособным справиться с затяжным экономическим кризисом. Не удалось ему добиться и ослабления внутренней напряженности. По призыву руководства Немецкого гимнастического союза все «взводы обороны» должны были направиться во внутренний город к ведомству федерального канцлера, а завершить этот день планировалось проведением факельного шествия. Я и подумать не мог, что мне предстоит сыграть в этих событиях весьма захватывающую роль.

На автомобиле, в который я пригласил еще несколько своих друзей, мы поехали во внутренний город и припарковали машину поблизости к площади Балхаузплац. Вскоре все прилегающие к ней улицы, шедшие по направлению к резиденции канцлера, наполнились толпами народа. Мы, играя одновременно роль зрителей и ответственных за соблюдение порядка, стояли на боковой улице позади этого здания, в котором, насколько нам было известно, решалась судьба нашей родины.

Внезапно со стороны Миноритской площади подъехала автомашина выездной полицейской команды. Мы не поверили своим глазам, когда увидели, что у всех полицейских на рукавах нацеплены повязки со свастикой. Как такое могло произойти? Теперь нам стало ясно, что серьезные перемены в Австрии уже начались и что они зашли намного дальше, чем мы могли предположить. Вопрос заключался только в том, насколько принимавшие решение господина были способны повернуть все к лучшему? Тут, словно откликнувшись на крики толпы, на балконе появился новый федеральный канцлер Зейсс-Инкварт¹⁴.

Он выступил с краткой речью, но мы стояли слишком далеко и слов не разобрали. Внезапно открылись ворота, из них выехал большой черный, скорее всего, правительственный автомобиль и устремился прочь. Немного погодя на улице засуетились какие-то люди, среди которых был и председатель Немецкого гимнастического союза Бруно Вейс. Он быстро подошел ко мне, чему я несказанно удивился, так как не ожидал его здесь увидеть. Вейс совсем не походил на человека, занимающегося политикой. Его знали как великолепного организатора, и он пользовался большой популярностью. Мне показалось, что Вейс чем-то взволнован.

¹² Отечественный фронт – ультраправая австрофашистская политическая партия, основанная в 1933 г. Дольфусом. После запрета всех других политических партий и ликвидации парламентской демократии Отечественный фронт занимал монопольное положение в австрийской политике.

¹³ Инсбрук – столица Тироля, западной федеральной провинции Австрии.

¹⁴ Зейсс-Инкварт Артур (настоящее имя Артур Зайтих, 1892–1946) – австрийский политик и юрист, обергруппенфюрер СС. В Австрии занимал посты министра внутренних дел, федерального канцлера и министра обороны, а также исполняющего обязанности федерального президента. После аннексии страны нацистской Германией поступил на государственную службу Третьего рейха. По приговору Нюрнбергского трибунала признан военным преступником и казнен за преступления против человечества.

– Какое счастье, что я нашел здесь надежного человека из нашего союза! – воскликнул он. – Дорогой Скорцени, у меня к вам важная просьба! Вы видели выехавший большой черный лимузин?

Я кивнул, и он продолжил:

– В машине был федеральный президент Миклас¹⁵. Мы здесь, в резиденции федерального канцлера, в большой тревоге! Только что нам стало известно, что в президентском дворце разместился сильный отряд батальона гвардии. Однако небольшой группе парней из охранных отрядов¹⁶ из Флоридсдорфа¹⁷ поручено выдвинуться во дворец и взять его под защиту. Мы опасаемся, что при встрече двух этих подразделений может произойти нежелательный инцидент. Не могли бы вы нам помочь? Вы на машине?

Я охотно согласился.

– Езжайте как можно быстрее во дворец и от имени нового канцлера примите необходимые меры. Делайте что хотите, но предотвратите возможное безумие!

Вейс пожал мне руку и еще раз напомнил, чтобы я поторопился, но не забывал о хладнокровном благоразумии.

Я прихватил с собой своего друга Герхарда, и мы поспешили к моей машине.

– Будем надеяться, что все пройдет благополучно! – крикнул я Герхарду, бежавшему чуть впереди.

Запрыгнув в машину, я прокрутил стартер, и мотор заревел. Мы врубили первую скорость и покатали.

За Бургтеатром¹⁸ на повороте я заложил крутой вираж, стараясь оставаться предельно внимательным. Е[а такой скорости это было необходимо, чтобы не попасть в аварию. К тому же, несмотря на вечерние часы, на улицах сновало довольно много народу.

Свернув с главной дороги на шоссе, мы увидели в нескольких сотнях метров впереди небольшую колонну машин.

«Может быть, они сопровождают федерального президента? – подумал я, догнав последний автомобиль и обогнув его справа. – Тогда мы рискуем прибыть после президента. Надо поднажать».

Мне удалось обогнать еще пару машин, но первая уже сворачивала к президентскому дворцу. Я исхитрился и все же остановился у дворца одновременно со вторым автомобилем. В это время из лимузина выбрался человек и мелкими шажками быстро засеменил к воротам. Вслед за ним ко входу в здание поспешили четыре пассажира из второй машины.

События разворачивались так быстро, что думать было некогда, и приходилось действовать чисто инстинктивно. Я втиснулся в эту группу из четырех крепких парней и оказался в небольшом вестибюле. Прямо напротив меня просматривалась лестница, которая, изогнувшись дугой, вела на второй этаж. По ней торопливо поднимался федеральный президент Миклас. Внезапно на лестничной площадке появились солдаты и стали быстро спускаться навстречу президенту. Увидев это, я тоже устремился вверх по лестнице, перепрыгивая через ступеньки.

На середине лестницы мы встретились. Путь нам преградил лейтенант гвардии с несколькими солдатами и громко закричал:

– Стоять!

Такая команда была явно лишней, поскольку мы и так уже остановились. Несмотря на это, лейтенант во второй раз прорычал свою абсолютно ненужную команду: «Стой!»

¹⁵ Миклас Вильгельм (1872–1956) – президент Австрии с 1928 г. до аннексии Австрии Германией в 1938 г.

¹⁶ Охранные отряды – отряды СС.

¹⁷ Флоридсдорф – 21-й район Вены в северной части города.

¹⁸ Бургтеатр – венский придворный театр, учрежденный в 1741 г. указом императрицы Марии-Терезии.

Позади меня на лестнице и в вестибюле столпилось уже человек двадцать.

Я заметил, что лейтенант начал протискиваться через своих солдат, направляясь ко мне.

– Оружие на изготовку! – неожиданно заорал он.

В ответ несколько солдат подняли свои автоматы, передернули затворы и направили оружие на стоявших внизу людей. Я оглянулся и увидел, как некоторые из них стали доставать пистолеты из кобур.

«Теперь все зависит от малейшей случайности, – пронеслось у меня в голове. – Стоит только кому-нибудь занервничать, и пиши пропало».

– Что за ерунда! – как бы со стороны услышал я свой собственный громкий голос.

Эти, совсем не вписывающиеся в данную ситуацию, слова, казалось, подействовали – люди на мгновение замерли. Я с усилием воли взял себя в руки и, стараясь выглядеть совершенно спокойным, сказал лейтенанту:

– Если что-то произойдет, то ответственность за это целиком ляжет на вас! Я послан сюда новым правительством, чтобы убедиться, что все идет в надлежащем порядке.

В это время на верхней лестничной площадке появилась супруга федерального президента. Естественно, она выглядела очень взволнованной и стала спрашивать, что происходит. Тут и ее муж вновь обрел дар речи.

– Кто вы? Чего вы хотите? – спросил он меня.

Несмотря на напряженную и в то же время комичную ситуацию, я представился:

– Инженер Скорцени, господин президент! Может быть, нам стоит вместе позвонить федеральному канцлеру? Пусть он подтвердит мои полномочия и скажет, какие задачи я здесь выполняю.

Солдаты потеснились, и мы с президентом в сопровождении лейтенанта стали подниматься наверх. В этот момент кто-то начал настойчиво и громко стучать в двери. Один из парней, стоявших внизу, приоткрыл их, и в образовавшемся проеме возник офицер полиции. Он поприветствовал меня и сказал:

– Федеральный канцлер приказал мне поступить с моей ротой в ваше распоряжение. Какие будут указания?

Я несказанно обрадовался, так как стало ясно, что доктор Зейсс-Инкварт не только информирован о моем существовании и полученном мною задании, но и продолжает об этом помнить.

– Господин президент! – громко произнес я. – Только что из дворца прибыла для вашей защиты полицейская рота. Нам следует срочно связаться с канцелярией федерального канцлера, чтобы и лейтенант услышал, что здесь не по кому стрелять!

Связь была установлена быстро, и я смог доложить доктору Зейсс-Инкварту о сложившейся обстановке. Затем трубку взял доктор Миклас. Судя по всему, он был полностью согласен со всем тем, что говорил ему новый канцлер. Тем временем я отвел лейтенанта в сторону и сказал ему:

– А теперь быстро прикажите своим солдатам поставить оружие на предохранитель! Вы же сами видите, что здесь воинственные жесты совершенно излишни!

Лейтенант вышел, и тотчас за дверью послышался его голос.

– Поставить на предохранитель! – скомандовал он. – Убрать оружие!

Тут доктор Миклас вновь передал мне телефонную трубку, и я услышал слова благодарности за предпринятые мною меры. Доктор Зейсс-Инкварт считал, что именно мне принадлежит заслуга в предотвращении столкновения. Он попросил меня остаться и заявил, что люди из охранных отрядов переходят в мое подчинение. Вместе с ними мне надлежало организовать охрану внутри дворца. Личный же состав караула батальона гвардии должен был делать то же самое, но снаружи здания.

К счастью, все эти меры предосторожности оказались излишними. Обстановка оставалась спокойной не только в данном районе. Во всей Вене не было отмечено ни одного инцидента.

Уже через несколько дней после переворота в Австрии Национал-социалистический механизированный корпус¹⁹, а также секции мотоспорта СА²⁰ и СС провели мероприятия по вербовке сторонников, чтобы привлечь на свою сторону активных мотоспортсменов нового гау²¹. В этой связи, исходя из того обстоятельства, что на протяжении многих лет я являлся активным мотоспортсменом и членом Австрийского туристического клуба, мною было принято решение о вступлении в мотоштурм СС, а заодно и об обновлении моей прежней партийной принадлежности.

Решающим моментом, определившим мое решение, являлось то обстоятельство, что охранные отряды в качестве единственного требования к вступающим в их ряды выдвигали условие о наличии безупречной полицейской справки о несудимости. Моему решению последовало много бывших членов Австрийского туристического клуба, и уже вскоре мы смогли выставлять довольно сильные команды на различных мотоспортивных состязаниях. Этим гонкам я посвящал все свое свободное время с воодушевлением и в результате уже на первых трех соревнованиях завоевал золотые медали.

Одновременно, повинувшись своему давнему желанию, я прошел водноспортивное обучение на Дунае, изучив эксплуатацию и управление судами с моторами мощностью до двухсот лошадиных сил. Уверенная швартовка к построенным на реке сходям при наличии различных течений оказалась делом нелегким. Но со временем мне удалось освоить и запрещенные водные гонки, и то, как обходить буны и мели, и то, как покорять притоки. Заключительной главой этого моего спортивного обучения стала сдача государственного экзамена по специальности «рулевой маломерных судов».

Мои родители уже много лет проводили свой отпуск в Форау, маленьком, лежащем в стороне от больших дорог городке в Восточной Штирии. В одно из воскресений августа 1938 года я пригласил своего брата с женой прокатиться на моей машине и вместе навестить родителей. Мой отец слыл в свое время выдающимся пловцом и оставался таковым и на семьдесят первом году жизни. Поэтому после обеда мы посетили небольшой бассейн, имевшийся в городке. Там я обратил внимание на двух девушек, в одиночестве возлежавших на лежаках. Скорее всего, это были медсестры.

О дальнейшем можно поведать буквально в нескольких словах. Одну из девушек звали Эмми, и мы начали встречаться. Эти встречи становились все чаще и чаще, и в один прекрасный вечер, вооружившись букетом красных роз, я задал ей главный вопрос. Она согласилась. Мы обустроились в новой большой квартире и 25 мая 1939 года зарегистрировали брак.

Свое короткое свадебное путешествие мы провели на озере Вертерзее²², где общее настроение соответствовало нашему – все были жизнерадостны и пребывали в ожидании счастливого будущего.

¹⁹ Национал-социалистический механизированный корпус – полувойсковая организация в составе НСДАП.

²⁰ СА – штурмовые отряды, сокращенно СА, или штурмовики. Также известны как коричневорубашечники (по аналогии с итальянскими чернорубашечниками).

²¹ Гау – область или округ. Во времена правления Гитлера слово «гау» обозначало партийные округа Германии, а гаулейтерами называли руководителей региональных отделений НСДАП. Со временем гау все больше превращалось из единицы партийного управления территорией в административно-хозяйственную единицу. После 1945 г. гау перестало употребляться в официальных текстах. Сегодня так называют филиалы физкультурных объединений Германии и Австрии. Однако в Австрии в разговорной речи «гау» до сих пор используется в своем устаревшем значении, несмотря на то что официально административными единицами Австрии являются округа.

²² Вертерзее – крупнейшее озеро Каринтии, самой южной федеральной земли Австрии, расположенное близ границы со Словенией.

Сразу же после аншлюса²³ в Австрии тоже была введена всеобщая воинская повинность. Молодые люди моего года рождения также подлежали призыву для прохождения трехмесячного курса молодого бойца. Не скажу, что такая перспектива меня обрадовала, ведь дел на моем предприятии и так было достаточно – требовалось напряжение всех сил. Мне казалось, что наконец-то забрезжила столь ожидаемая возможность экономического подъема. Мы нагнали показатели пятилетнего подъема, приходившиеся на годы старого режима.

Поскольку от призыва было не отвертеться, то я решил оставить все позади как можно скорее. Мне хотелось избрать для себя хотя бы современный технический род войск, обучение в котором могло доставить хоть какое-то удовольствие. К этому времени я уже много раз летал в качестве пассажира на спортивном самолете моего друга и кое-чему в летном деле научился. Кроме того, еще со студенческих времен меня связывала давняя дружба с Труд ой Шмидт, которая первой из женщин Австрии успешно выдержала экзамен на пилота. Сдача такого экзамена входила и в мои планы на жизнь.

Поэтому, не откладывая все в долгий ящик, я записался добровольцем на прохождение начального курса боевой подготовки, чтобы быть уверенным в том, что меня призовут в военно-воздушные силы. Я надеялся, что меня зачислят в качестве кандидата в офицеры, ведь не зря же у меня за плечами было инженерное образование. Ожидаемый срок призыва приходился на осень 1939 года, и в преддверии этого мне казалось, что нет ничего лучшего, чем быстро упаковать вещи и отправиться в отпуск вместе с молодой женой.

В последнюю неделю августа к поездке все было готово, и мой добрый автомобиль помчал нас на юг. Озеро Вертерзее являло собой настоящую картину мирной идиллии – здесь отдыхали веселые люди самых разных национальностей со всех концов света. Целые дни мы проводили на воде. Катаясь на яхте, плавая, гоняя на моторной лодке и на водных лыжах, занимаясь серфингом в веселой компании, естественно забываешь обо всех заботах. Какое нам дело до интриг политиков, когда после обеда должна состояться парусная регата? Разве усидишь вечером возле радио, если манит танцевальная музыка? Почему бы не попытаться забыть о грозных тучах на политическом горизонте, глядя в голубое небо, залитое солнечным светом?

Однако, несмотря на весь оптимизм, новость о начале настоящей войны между Германией и Польшей мы не могли не услышать. Она прозвучала как гром среди ясного неба, нарушив наше праздничное отпускное настроение. Все надеялись на то, что этот конфликт останется локальным и скоро все закончится. Тем не менее отдыхающие из Англии и Франции начали лихорадочно паковать вещи и стремглав отъезжать²⁴.

– Зря они так торопятся, – пытались мы успокоить сами себя.

Ведь между нашими семьями установились хорошие отношения, и о каких-либо конфликтах и разладах не было и речи. Народы сами по себе ничего не имеют против других народов! А вот о политиках этого не скажешь. Ну почему они не в состоянии жить в мире?

Я тоже не мог больше находиться далеко от Вены. На моем предприятии ожидался военный призыв, и следовало принять необходимые решения. Мы с Эмми пытались насладиться обратной дорогой настолько, насколько это было возможно. Тем более что среди населения австрийских земель, которые мы проезжали, какой-либо тревожности не отмечалось – настроение было спокойным и даже радужным. Но восторга от начала войны никто не испытывал.

По приезде домой среди почтовой корреспонденции я обнаружил мобилизационное предписание о явке в полк связи военно-воздушных сил для прохождения трехмесячной начальной военной подготовки. Это не явилось для меня неожиданностью, поскольку я сам в свое время записался добровольцем. Приказ о призыве на военную службу, судя по всему,

²³ Аншлюс – присоединение. Термин, применяемый исключительно для определения аннексии Гитлером Австрии.

²⁴ 3 сентября в ответ на нападение Германии на Польшу Великобритания и Франция объявили войну Германии, что ознаменовало начало Второй мировой войны. Датой начала войны принято считать 1 сентября 1939 года – день вторжения в Польшу.

был отправлен еще в мирных условиях. Теперь же мне предстояло стать солдатом в военное время, что и пришлось осторожно объяснить моей жене. Естественно, она не пришла от этого в восторг.

Среди почтовой корреспонденции находилось еще одно предложение – венское студенчество приглашало меня на праздник наций в замок Бельведер. Приглашение было на тот же вечер. Этот фестиваль среди садов и прекрасных исторических зданий я, естественно, пропускать не хотел. Один только взгляд на празднично освещенный парк заставлял нас почти забыть о том, что где-то на северо-востоке беснуется война, страдают и умирают люди. Присутствовавшая на празднике молодежь разных наций в своих настроениях была едина – получать и дарить радость. Однако молодые люди из Польши, Франции и Англии отсутствовали. Я дал увлечь себя водовороту приятных эмоций, приветствуя то тут, то там своих друзей и знакомых. Повсюду танцевали, шутили и весело смеялись, никто и не думал о завтрашнем дне.

После полуночи мы собрались за столом, одиноко и заброшенно стоявшим среди старых парковых деревьев. И здесь, где звуки музыки были слышны не столь отчетливо, праздничное настроение стало быстро улетучиваться. Наши мысли обратились к будущему – что оно нам готовит?

– Через несколько недель вновь наступит мир! – выразил свое мнение врач из Венгрии.

– Государственные мужи не могут себе позволить вести войну против воли своих народов, – бросил техник из Пресбурга²⁵.

– Объявление войны со стороны Англии и Франции – это всего лишь демонстрация, которую нельзя воспринимать всерьез, – заявил историк из Стокгольма.

Тогда и я взял слово:

– Мне кажется, что сейчас мы можем сделать только одно, а именно – зафиксировать, что данная война не является нашей войной и что мы, молодое поколение, этой войны не хотели и ее не начинали. Скоро, вероятно, мы расстанемся и долго не увидимся. Но наступит тот день, когда мы опять сможем общаться друг с другом. Давайте тогда вспомним этот вечер и вновь обретем единство. Ставши более зрелыми, мы снова быстро свяжем воедино нити, которые возможно окажутся порванными.

Последующие два дня, которые я провел на своем предприятии, не оставляли времени для размышлений. Некоторые рабочие также получили мобилизационные предписания, а мне требовалось подготовить человека, которому можно было бы доверить дело в мое отсутствие. Но я не слишком заморачивался на этот счет, ведь мне предстояло проходить обучение не на краю света, а в казарме, располагавшейся в самой Вене. В точно указанный срок 3 сентября я взял в руки чемодан и в обговоренное время уже стоял на пороге своей казармы.

На следующий день командир роты объявил, что инструкторов для нас нет, поскольку все они задействованы для проведения военных операций в Польше, и нам предстоит пройти специальное техническое обучение, чтобы впоследствии стать войсковыми инженерами. Он также сообщил, что для новобранцев предусмотрены специальные лекции, которые нам надлежит еженедельно посещать. Наш курс состоял из ста человек, и после лекций мы могли отправляться по домам, поскольку окончательный призыв ожидал нас несколько позднее.

Такое известие, естественно, явилось для нас приятной неожиданностью. Однако меня это не вполне удовлетворило. Я, как умел, вытянулся во фронт и произнес:

– Господин гауптман! Разрешите задать вопрос? Нельзя ли перевести меня в летный персонал? В свое время именно по этой причине я попросил приписать меня к люфтваффе²⁶. К тому же у меня есть некоторый летный опыт.

²⁵ Пресбург – ныне это город Братислава, столица Словакии.

²⁶ Люфтваффе – название германских военно-воздушных сил в составах рейхсвера, вермахта и бундесвера. В русском языке это название обычно применяется к ВВС вермахта периода так называемого Третьего рейха.

- Год рождения? – немедленно прозвучал встречный вопрос.
- Восьмой, господин гауптман!
- Слишком стар! – вынес короткий вердикт гауптман.

Для него вопрос был закрыт, но во мне зашевелился червячок сомнения – неужели я действительно слишком стар для летного дела?

Курс лекций по автоделу сухопутных войск продолжался, а в середине декабря нам объявили, что двадцать человек будут переведены в войска СС в качестве кандидатов в офицеры по инженерному профилю. Однако пригодными для этих войск сочли только двенадцать новобранцев, среди которых самым старшим по возрасту оказался именно я. Причем мне надо было еще какое-то время подождать, пока вопрос о моем переводе и призыву в новый вид войск решится окончательно.

К концу февраля мы с женой ожидали рождения ребенка, и роды могли случиться со дня на день. Однако 21-го числа утренней почтой пришло предписание прибыть в Берлин для прохождения службы в новом виде войск, и я был вынужден отправить телеграмму-молнию с просьбой об отсрочке своей явки на два дня, ссылаясь на семейные обстоятельства. В обед мы поехали в клинику, и уже поздно вечером, к моей величайшей радости, супруга произвела на свет нашу дочку Вальтрауд.

Через два дня в присутствии отца мне пришлось прощаться со своей женой и дочерью. Ему, всегда являвшемуся моим лучшим другом, не понадобилось произносить много слов. Заверив меня, что позаботится о моей семье, он крепко пожал мне руку и шутливо заявил:

– Отто, думай теперь о том, что ты стал отцом семейства! Если война продолжится, то ты, конечно, исполнишь свой долг и, вполне возможно, заслужишь награду. Но она не обязательно должна являться Рыцарским крестом! Будь здоров!

Меня приписали ко второму батальону резервных войск СС²⁷ лейбштандарта «Адольф Гитлер»²⁸, располагавшемуся в берлинском районе Лихтерфельде. И опять я вынужден был делить комнату с рекрутами-стариками. Моими новыми сослуживцами стали врачи, фармацевты и инженеры, и всем нам до начала настоящей службы в войсках по специальности предстояло пройти короткий, но очень интенсивный курс молодого бойца.

Порой нам было весьма трудно держаться наравне с семнадцати- и восемнадцатилетними призывниками. Но тогда я много чему научился, что в дальнейшем мне весьма пригодилось. В то же время мне довелось увидеть, как «настоящие служаки» бездумно и жестоко обходились с весьма ценным человеческим материалом. Необходимая муштра была слишком преувеличена и превращалась в обыкновенное издевательство. Тупость, с которой эти вояки пытались подавить любое проявление собственной воли и превратить личность в бездумный автомат, просто поражала. Между тем отсутствие личной инициативы, к которой приводил такой подход в воспитании личного состава, находилось, на мой взгляд, в прямом противоречии с задачами, которые предстояло решать солдатам в настоящей войне. Хорошо еще, что подобное «солдафонство» проявляли не все наши командиры.

Отведенные для обучения шесть недель пролетели быстро, и, по мнению строгих офицеров, из меня получился только какой-то полуфабрикат, а не настоящий солдат. Поэтому на несколько недель я был направлен в запасной батальон «Германия», квартировавшийся в гамбургском квартале Лангенхорн. Здесь мне предстояло окончательно освоить профессию технического офицера.

²⁷ Войска СС, или ваффен-СС, – военные формирования СС, которые вначале назывались «резервными войсками СС». Для отличия от вермахта к воинским званиям служивших в них военнослужащих первоначально добавлялось словосочетание «резервных войск СС».

²⁸ Лейбштандарт СС «Адольф Гитлер» – полк личной охраны Гитлера, на базе которого была создана 1-я танковая дивизия с аналогичным названием, развернутая во время войны в танковый корпус.

В апреле 1940 года немецкие войска вторглись в Норвегию и Данию. К этому моменту не только нам, солдатам, но и большинству немцев стало окончательно ясно, что прошедшие в относительном спокойствии несколько месяцев²⁹ на самом деле являлись лишь затишьем перед настоящей бурей.

²⁹ Автор имеет в виду начальный период Второй мировой войны, вошедший в историю с легкой руки французского журналиста Ролана Доржелеса под названием «Странная война», когда, объявив 3 сентября 1939 г. войну Германии, напавшей на Польшу, Франция и Англия не проявляли военной активности на суше.

Глава 2

Назначение. – Начало Западного военного похода. – Через границу. – Неужели война закончилась? – Оккупация Голландии. – В штабе полка. – Неужели в Англию? – Назад во Францию. – Под гнетом бюрократии. – Испорченный рождественский отпуск 1940 года. – Суровые суды СС. – Немецко-французская договоренность. – Марш в Румынию. – Доказательства дружбы в Венгрии. – Лейтенант резервных войск СС. – Боевое крещение. – Сербские пленники. – Белград. – Назад в Верхнюю Австрию. – Отсутствие стандартизации и унификации автотранспорта

9 мая 1940 года нам было приказано доставить из полка приписки «Германия» автомобили, а также пополнение личным составом на спокойный до того времени и относительно близкий Западный фронт. В тот же день, к великому моему изумлению, я получил распоряжение прибыть в Берлин в командование войсками СС. Начинался военный поход на Запад, а меня отправляли в глубокий тыл!

За несколько дней мне пришлось сдать немало экзаменов, после которых я получил военные свидетельства на право управления всеми классами машин и удостоверение инструктора по вождению. Но больше всего меня порадовали профессиональные права водителя грузовых машин, выданные на имя унтер-офицера Скорцени.

А через несколько дней меня пригласил к себе главный офицер автомобильной службы СС майор Хоффман и представил майору резервных войск СС Реесу, пожилому ветерану Первой мировой войны. Минут пятнадцать мы обменивались ничего не значащими фразами, как вдруг он заявил:

– Хорошо, я беру вас на должность офицера технической службы в свой дивизион. Слушайте первый приказ. Вам надлежит забрать в вашей старой казарме в Лихтерфельде предназначенные для нас восемьдесят грузовиков. Завтра рано утром вы отправите их в Хамм³⁰. Тогда наш дивизион тяжелой артиллерии будет готов к маршу. Мы входим в состав лучшей в истории дивизии СС³¹ и должны поторопиться, иначе война закончится без нас!

Мое громкое «Так точно!» в полной мере отразило радость по поводу продвижения по службе и перевода на новую должность.

В Хамм я прибыл в три часа утра, потеряв по дороге двадцать шесть грузовиков.

«И как доложить об этом своему новому командиру? – подумал я. – Немедленно назад!»

Через два часа тринадцать автомобилей мною были благополучно найдены, и в семь часов я вернулся в казарму. Позже, когда командир выслушал мой довольно робкий доклад о количестве доставленных машин, к моему величайшему изумлению, он не выказал серьезного недовольства, заметив только, что самое позднее к вечеру все автомобили должны быть на месте, так как отбытие назначено на следующий день.

«Разве так должно выглядеть выступление части на войну? Неужели все будет так буднично? Когда же мы наконец понюхаем пороху?» – подумал я.

Все-таки как странно устроен мир и как мало времени он дает на то, чтобы поразмышлять над подобными вопросами. Требования марша превалируют над временем и все вытесняют. Конечно, мысли о доме неизбежно закрадываются в голову, особенно если ты только что получил письмо от своих близких, написанное накануне. Однако их тут же перебивает

³⁰ Хамм – город на западе Германии, расположенный ныне в федеральной земле Северный Рейн-Вестфалия.

³¹ Имеется в виду дивизия усиления СС, которая была образована 10 октября 1938 г. путем объединения «частей усиления СС» с частью соединений СС «Мертвая голова», преобразованная в 1940 г. в дивизию СС «Райх», а в 1942 г. во 2-ю моторизованную дивизию СС «Райх».

вид стоящей на обочине машины твоего дивизиона. Ты немедленно останавливаешься, чтобы оказать помощь. Иногда приходят мысли о том, что будет, если в тебя попадет кусок железа, но тут мимо проезжает офицер и свистом подзывает тебя, указывая на то, что далеко позади возникли какие-то проблемы. Ну их к черту, эти тяжелые мысли, подумать над которыми до конца все равно не удастся!

Через древний Аахен³², город коронации королей, мы проехали, сопровождаемые приветственными криками местных жителей. Вскоре должна была показаться граница и начаться вражеская земля!

«Интересно, как нас там встретят?» – подумал я.

Перевернутые пограничные столбы в горячке движения мы даже сразу не заметили, ведь впереди была война! Следы от боев почти не просматривались, но первые воронки от разрывов снарядов и первые развороченные стены зданий представляли для нас, новеньких, такую картину, которая заставляла оглядываться назад. Однако останавливаться было нельзя, нам следовало двигаться дальше.

Бельгийцы, с которыми нам довелось повстречаться во время короткого отдыха, не были настроены враждебно, но вели себя довольно сдержанно. Люттих³³ наш дивизион проследовал ночью, и вскоре на каком-то поле мы разбили свой первый бивак.

Через несколько часов все опять пришло в движение, и под Динаном³⁴ нам повстречалась первая большая колонна пленных. Это были молодые бельгийцы под конвоем нескольких солдат полевой жандармерии. Пленные шли, повесив головы и устало переставляя ноги.

«О чем они думают? – пронеслось у меня в голове. – Скорее всего, чувствуя себя в этой куче народу в безопасности, тоже, как и мы, мечтают о скорейшем окончании войны».

Наверное, чувство того, что ты плетешься под конвоем в качестве военнопленного по родной земле, которую призван был защищать, является отвратительным. Взгляды местных жителей не могут не причинять боль.

Наша колонна проследовала города Живе, Сине, а также Ирсон, когда почувствовалось приближение фронта. Над нами часто пролетали эскадрильи наших самолетов. Затем они возвращались, идя низко и в том же порядке, почти как на маневрах. Однако иногда звенья были неполными. Услышав на одном из привалов отдаленный грохот, мы переглянулись: вот она – война, которую нам так хотелось нагнать.

Мы стояли на обочине, тщательно «замаскировавшись» – каждая машина расположилась под молодым, жалким деревцем! Требовалось соблюсти предписания Полевого устава, в котором значилось: «Дистанция между машинами двадцать метров! Использовать любое укрытие! Применять маскировочные сети!» Приходилось прислушиваться к рекомендациям, ведь война только начиналась. Это уже позже опыт, полученный в ходе боевых действий, заставил пересмотреть необходимые предписания.

Нам раздали обед. Не передать словами, каким вкусным показался мне айнтопф³⁵, вкушаемый на обочине дороги! Его не портили ни тучи пыли, ни песчинки, хрустевшие на зубах.

Вновь проследовали бесконечные колонны пленных с изможденными и запыленными лицами. На сей раз это были французы, а затем и англичане в своих приплюснутых касках. Я видел порой летящие в сторону плененного противника куски хлеба. Мой же водитель отдал страждущим нашу флягу с водой. Молодежь Европы и тогда не испытывала ненависти друг к другу!

³² Аахен, или Ахен, – городок, расположенный рядом с голландской и бельгийской границей. В VIII в. он стал столицей империи Карла Великого, вошел в историю как резиденция императоров и королей.

³³ Люттих – прежнее немецкое название города Льеж в восточной части Бельгии в 100 км от Брюсселя.

³⁴ Динан – город и муниципалитет в Бельгии, расположенный на реке Маас в провинции Намюр.

³⁵ Айнтопф – густой суп, заменяющий и первое, и второе блюда. В его состав входят разнообразные овощи, мясные и колбасные продукты. Рецепт немецкой кухни.

Затем мы двинулись дальше, оставив позади себя Ле-Като и другие небольшие городки, почти не тронутые войной. Вокруг нас лежала Франция. Вечером показался город Камбре, и я вспомнил, что в годы Первой мировой войны здесь произошло первое в истории танковое сражение.

Наш путь лежал через Балом и Перонну. Последний городок пострадал достаточно сильно. По только что возведенному саперами мосту мы перешли через реку Сомму, после чего был объявлен большой привал – требовалось пропустить различные колонны саперных и других воинских частей, в которых срочно нуждались наши войска на фронте. Я решил воспользоваться предоставленным нам временем и осмотреться. В ходе прогулки мне случайно попала французская запрабочная станция, а немного в стороне – французский военный грузовик.

Усевшись на водительское сиденье, я сделал еще одно важное открытие, обнаружив дорожные карты Франции. Они подходили для осуществления маршей не хуже, чем наши карты Генерального штаба. На заправке и в гараже по моему требованию меня снабдили дополнительными комплектами карт.

Я сделал для себя соответствующие выводы и после при каждой остановке в каком-либо населенном пункте пытался проделать то же самое. Вскоре в моих руках оказалось сначала тридцать, затем пятьдесят, а потом и восемьдесят таких карт, многие из которых повторялись. Тогда мне пришло в голову сделать подарок нашим командирам батарей, отдав им дубликаты. В самое ближайшее время выяснилось, что карты являлись весьма точными. На них имелись мельчайшие подробности, и пользоваться ими было удобнее, чем нашими топографическими картами.

Дальнейший наш путь лежал на Сен-Кантен. В городе было повреждено всего несколько зданий, а величественный собор по-прежнему устремлял свои башни к небу. Здесь обнаружилось, что многие жители ушли со своих насиженных мест, а чуть позднее мы догнали на дороге длиннющую колонну беженцев, направлявшуюся на юг и стоявшую вне проезжей части. Поток беженцев не только усиливал сумятицу, но и способствовал развитию нищеты и страданий, которые привнесла с собой в эту страну война. Мы же старались успокоить их и подвигнуть к возвращению к родным пенатам.

В долине департамента Уаза части нашей дивизии вели бой, однако о наличии чего-либо похожего на линию фронта не было и речи. Просто некоторые относительно крупные и мелкие подразделения французской армии не сложили оружия, пытаясь обороняться то тут, то там. Пришлось нам, тяжелому дивизиону артиллерийского полка, «потрудиться», перемещаясь из одного места в другое. Другими маршевыми точками при продвижении вперед явились города Руа, Мондидье и Кюйи.

Нас, конечно, разбирало любопытство, проследуем ли мы напрямик в Париж? Но скоро выяснилось, что у немецкого военного командования были иные планы. Наши части стали охватывать столицу большой дугой.

Дальнейший маршрут движения моей части, пролежавший через Шони, Суасон, Виллер-Котре, Шато-Тьерри, Эперне, Шалон-сюр-Марн, Сен-Дизье, Шатийон-сюр-Сен, Кумьеле-Сек, Преси, Пуйи и Отен, являлся по большому счету преследованием обычно невидимого противника. Исход войны, похоже, был решен, и наша спешка объяснялась, скорее всего, стремлением побыстрее дойти до кузницы оружия Франции – оружейных заводов Ле-Крезо. Достигнув 10 июня 1940 года Мармани, наш дивизион расположился на отдых.

14 июня дивизия получила новый приказ. Нам надлежало в спешном порядке по широкой дуге проследовать на юг к границе с Испанией. Миновав Рувре, возле Труа мы вышли к реке Сене. Здесь я впервые с восхищением наблюдал за «работой на заказ» наших бомбардировщиков. По всей вероятности, противник упорно цеплялся за мост. Чтобы сломить это сопротивление, самолеты люфтваффе вмешались в схватку и сбросили бомбы на дома по

левую и правую сторону дороги на западном берегу, являвшейся продолжением моста. Ряды зданий были разрушены, возможно, на двести метров в длину, но стоило только взглянуть на боковые улицы, и обнаружить каких-либо разрушений не представлялось возможным. Стоит ли после этого удивляться тому, что местное население не проявило к нам никакой враждебности? Темп нашего продвижения замедлился только при прохождении через Орлеан, Блуа, Бурж и Лимож. От Бордо мы проследовали по великолепным улицам через Бен, Байонну и Биарриц до границы с Испанией.

В субботу 22 июня до нас дошли известия о том, что заключено перемирие³⁶. В результате единственный оставшийся противник Германии на материковой части Европы был повержен. Теперь вопрос состоял в том, сможет ли Германия избежать ошибки установления жесткого мирного диктата и превратить Францию в своего друга, сделав широкий жест? Как бы то ни было, военный поход закончился. Означало ли это конец войне? Всеми нами овладело радостное настроение, которое, возможно, и было главной причиной желания скорейшего ее окончания.

Мы думали о своих близких и о том, как будет хорошо, если вскоре опять наступит мир. Такому настроению способствовало и то обстоятельство, что большая часть солдат, призванных из резерва, была отпущена по домам. Все вроде бы свидетельствовало о том, что даже высшее командование вермахта верит в окончание крупных столкновений.

Со своей стороны мы тоже взирали на скорое и победоносное завершение Западного военного похода с полным удовлетворением. Но это не было чувством гордости и ощущением собственного превосходства, скорее осознанием радости оттого, что неприятная задача, которую требовалось решить, доведена до конца самым быстрым и наилучшим образом. «Все вздохнули с облегчением» – вот те слова, в точности характеризующие наше тогдашнее настроение.

«Прекрасные дни в Аранхуэсе»³⁷, проведенные нами на юге Франции, закончились быстро, так как вскоре пришел приказ о направлении нашей дивизии в Голландию в составе оккупационных войск.

Как это часто бывает у нас, немцев, все требовалось делать очень быстро, и мы вынуждены были на одном дыхании за один день преодолеть огромное расстояние, отделявшее нас от точки прибытия. По пути на север наша часть проследовала через Ангулем, красивый французский городок, раскинувшийся на возвышенности, где меня и нагнал приказ из полка. Мне предписывалось позаботиться обо всех вышедших из строя машинах, по возможности их отремонтировать, а потом вместе с ними догнать свою часть.

И вот, уже со своей колонной, я проехал через Лимож, Шатору и Бурж, останавливаясь на ночь под открытым небом поблизости от пунктов водоснабжения. Нам, естественно, приходилось вступать в контакт с местным населением, и везде нас встречали дружелюбно и с готовностью прийти на помощь. В основном это были крестьяне, а в городах – работники гаражей или граждане, у которых мы наводили нужные справки. Все они, похоже, тоже были рады, что беды, сопряженные с войной, так быстро остались позади. Лишь некоторые женщины и девушки вели себя по отношению к нам, немецким солдатам, довольно сдержанно. Признаюсь, что мне такая сдержанность была только по душе.

³⁶ Имеется в виду Второе Компьенское перемирие (или Компьенское перемирие 1940 г.) – перемирие, заключенное 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу между нацистской Германией и Францией, завершившее успешную кампанию немецких войск во Франции (май – июнь 1940 г.). Результатом перемирия стало разделение Франции на оккупационную зону немецких войск и марионеточное государство, управляемое режимом Виши. Гитлер намеренно настоял на том, чтобы перемирие было заключено в Компьенском лесу, так как там было подписано Компьенское перемирие 1918 г. между Германией и войсками стран Антанты, которое предусматривало окончание боевых действий Первой мировой войны на невыгодных для Германии условиях.

³⁷ «Прекрасные дни в Аранхуэсе» – автор проводит аналогию с одноименной пьесой австрийского писателя и драматурга Петера Хандке, в которой повествуется о взаимоотношениях между мужчиной и женщиной.

Дальше мы проследовали Тур, Шартр, Мелен, Суасон, Лан и прибыли в Мобеж, возле которого пересекли границу с Бельгией, держась уже в северном направлении. В Северной Франции нам довелось проезжать по большим индустриальным районам, где я иногда делал остановки, чтобы подремонтировать автомашины. Почти все предприятия возобновили работу, что весьма благоприятно сказывалось на настроениях рабочих. Мы нигде не видели озлобленных лиц и не слышали каких-либо угроз в свой адрес. Самое большое, что можно было заметить в их отношении к нам, – это молчаливое безразличие.

Голландскую границу мы пересекли возле Маастрихта. За мной следовала довольно внушительная колонна из пятидесяти машин. С Голландией мне довелось познакомиться еще раньше, и сейчас я вновь испытывал большую радость от увиденных нарядных домиков и опрятно одетых голландцев. Здесь у меня возникло даже ощущение, что война никогда и не начиналась.

«Может быть, люди просто уже забыли об этом?» – подумал я.

Вечером следующего дня, проследовав через Утрехт, моя сборная колонна прибыла в Амерсфорт, в котором гарнизоном расположился наш артиллерийский полк. Вскоре меня на практику перевели в штаб полка, а в июле 1940 года присвоили воинское звание фельдфебель³⁸ и зачислили кандидатом в офицеры.

Но самым важным было то, что нас группами стали отправлять в отпуск на родину, причем женатым солдатам отдавалось предпочтение. В конце июля дошла очередь и до меня. Отправившись домой, я смог подарить своей жене чудесные две недели, которые мы провели на озере Вертерзее.

Меня успокоило то, с каким стоическим спокойствием восприняла моя родина ограничения, привнесенные войной. Однако никакого военного воодушевления народ не испытывал. Чувствовалась только спокойная невозмутимость и воля нормально пережить это тяжелое время. Даже быстрая победа над Францией не вызвала сколь-либо приподнятого настроения. Была только уверенность, что тем самым мы на шаг стали ближе к окончанию войны, чего все страстно желали.

Время пролетело быстро, и мне пришлось возвращаться в Голландию. Там по различным признакам я заметил, что теперь планируется и идет подготовка к нападению на Англию. В один не самый лучший день в нашу дивизию поступил срочный приказ, содержащий подробные указания о проведении на суше тренировок по погрузке машин на корабли в преддверии планировавшихся в ближайшее время больших маневров на море.

Меня вызвал к себе полковник Хансен, поскольку для нас сооружение подобного учебного моста вызывало большие затруднения. Его конструкция должна была выдержать нагрузку в двадцать – тридцать тонн и пропускать через себя тяжелые тягачи с орудиями. Поэтому полковник опасался, что мы не уложимся в сорок восемь часов, отведенных для подготовки, и приказал мне взять все в свои руки, сделав максимум возможного.

Учения по погрузке и выгрузке машин наша дивизия провела в голландском порту Хелд ер. Обрезанные в носовой части плоскодонки странно смотрелись на фоне волн и казались слабо предназначенными для морских перевозок. В результате атаки всего лишь одного английского самолета мы потеряли две такие посудины и несколько человек. Наши солдаты прозвали эти лодки «звонками». Однако в этой злой шутке явно просматривалась неуверенность в их надежности. Во время учений нам стало ясно, что малейшее волнение на море или слабый ветерок превращали погрузку в весьма опасное и рискованное предприятие.

Историки когда-нибудь смогут с относительной уверенностью установить причину того, почему столь ожидаемое всеми вторжение в Англию не состоялось. Возможно, им будет интересно узнать версию, услышанную мною спустя годы от людей из окружения Адольфа Гитлера.

³⁸ Таблица соответствия воинских званий войск СС, вермахта и РККА, приведена в приложении 1.

Попробую передать ее дословно: «... Гитлер очень уважал английский народ и рассматривал его как родственник немецкому. В сохранении Британской империи он видел необходимые предпосылки для стабилизации мира. И хотя, несмотря на известные трудности и изъятия в подготовке, фюрер³⁹ верил в успех операции по высадке десанта под кодовым названием «Зеелеве»⁴⁰, он не недооценивал волю англичан к сопротивлению, упорство этого островного народа и его правительства. Он понимал, что в случае осуществления оккупации островов следовало ожидать продолжения войны со стороны Канады или Южной Африки. А ведь Великий германский рейх нес ответственность за остальные тридцать пять миллионов европейцев. Могли отпасть использовавшиеся тогда сторонние источники сырья, а державшееся целиком на Германии снабжение из-за всякого рода военных действий нарушиться. Такую ответственность за тридцатипятимиллионный народ на себя Адольф Гитлер брать не хотел...»

Вот что являлось внутренней причиной того, почему попытка высадки десанта ни разу не предпринималась. Такой ход мысли я сам слышал от Гитлера, правда по другому поводу и намного позднее.

В те дни в нашем полку создали новый 2-й дивизион и меня перевели в него на должность офицера инженерно-технической службы. Его командиром являлся совсем юный гауптман Йохен Румор, который был на несколько лет моложе меня. Со временем я очень хорошо узнал этого человека, поскольку совместно прожитые месяцы во время военных походов на Юго-Восток и Восток сделали нас настоящими друзьями. Его характер и умения, личная храбрость и манера руководства людьми служили для меня образцом настоящего немецкого офицера.

Внезапно, как это всегда бывает для солдат, пришел приказ готовиться к маршу. Все намечавшиеся рождественские отпуска были отменены, и мы, вместо поездки домой, смогли отправить только печальные письма с извинениями. 18 декабря 1940 года дивизия СС «Райх» моторизованным маршем покинула пределы так полюбившейся нам Голландии. Наше выдвижение в южном направлении поистине было стремительным.

Уже 21 декабря все соединение должно было прибыть на новое место в полной боевой готовности. Приказ предписывал войти в незанятую до сих пор часть Франции, и, продвигаясь в одну колонну, наша дивизия спешно направилась к Марселю. С собой мы взяли только горючее, боеприпасы и минимум продовольствия. Все остальное пришлось оставить, поскольку ожидалось вооруженное боестолкновение.

Мы с гауптманом Румором бились над решением задачи, как распределить весь груз по оставшимся машинам. Причем самой большой проблемой являлась доставка горючего, которого должно было хватить до Марселя. В нашем дивизионе имелась, конечно, двенадцатитонная автоцистерна, но две большие шины у нее оказались настолько в плохом состоянии, что рисковать не стоило. И тут мне стало известно, что под Лангром находится войсковой склад покрышек.

На складе отмечалась полная тишь и благодать – все господа отправились в рождественский отпуск! Начальника замещал какой-то тупоголовый фельдфебель, который ничего не хотел делать. Чтобы снискать его благосклонность, я угощал его своими хорошими голландскими сигаретами и рассказывал ему анекдоты, от которых он ржал как лошадь. Битый час я его уговаривал, но все оказывалось напрасным – сердце интенданта оставалось холодным как камень. Причем поведать этому упрямцу о полученном приказе было нельзя – нам предписывалось хранить строжайшую тайну!

³⁹ Фюрер – в переводе с немецкого означает «вождь», в фашистской Германии в 1934–1945 гг. – официальный титул главы государства и руководителя национал-социалистической немецкой рабочей партии.

⁴⁰ Операция «Зеелеве» (операция «Морской лев») – кодовое название планировавшейся Гитлером десантной операции по высадке на Британские острова.

Меня бросало то в жар, то в холод. Я во что бы то ни стало должен был раздобыть эти проклятые покрышки! А фельдфебель все не хотел их отпускать и брать на себя ответственность. Наконец мне стало совсем невмоготу.

– Послушайте! – с издевкой сказал я. – Скажу откровенно! От этих покрышек зависит очень многое. И вы мне их выдадите! Иначе мне придется подогнуть сюда пушки, и тогда я их все равно получу!

Такая угроза подействовала, и он согласился выдать шины в обмен на оформленные по всем правилам накладные.

Вне себя от радости и распираемый от гордости, я вернулся в свой дивизион в Пор-сюр-Сон. Теперь за марш можно было не опасаться. Однако в последние часы перед выступлением проведение операции отложили. Сначала на двадцать четыре часа, потом до четырех часов утра 23 декабря, а затем и вовсе отменили. Видимо, политическая ситуация изменилась, однако перспектива отправиться в рождественский отпуск от этого не появилась. Пришлось отмечать Рождество в деревенском школьном домике.

На постой меня распределили к семье французского врача. Мы быстро познакомились, и между нами установился нормальный человеческий контакт, позволивший мне улучшить мой плохенький французский. Уже в первые дни я заметил, что многие дома в деревушке, в том числе и на главной улице, лежали в руинах. Но это были вовсе не военные разрушения.

– Что бы это значило? – поинтересовался я.

На мой вопрос доктор ответил, что во Франции в последнее время наблюдается большой отток молодежи из сельской местности в города, а также медленное, но неуклонное снижение численности населения страны. В результате дома пустеют, приходят в упадок и постепенно разрушаются.

Сразу же после Рождества я отправился в долгожданный отпуск. Трудно передать словами те чувства, которые испытывает солдат по дороге домой! И, несмотря на то что это были уже не праздничные дни, двухнедельный отпуск все равно обещал быть чудесным. Я искренне радовался перспективе повидаться с дочкой, которая за время моего отсутствия наверняка превратилась из младенца в хорошенькую маленькую девчушку.

Однако радость продлилась всего два дня – полученная телеграмма срочно отозвала меня обратно в часть. Я мог только предполагать, что ситуация обострилась и отмененная операция вновь стала актуальной.

Таким образом, все мои личные планы рухнули, и на следующий день я уже мчался на Запад. В части мне сообщили, что меня немедленно вызывает к себе командир дивизии генерал Хауссер⁴¹. Вины я за собой не чувствовал и совершенно спокойно подумал, что причиной отрыва из отпуска, скорее всего, является повышение в звании.

Меня ждало жестокое разочарование. Не успел я доложить о своем прибытии, как генерал начал строго меня допрашивать по вопросу о добытых мною шинах для автоцистерны. Из корпуса поступила жалоба от вернувшегося из благополучно проведенного рождественского отпуска начальника склада. Он доложил, что я обманным путем забрал покрышки под угрозой применения силы и превращения склада в пепел. На основании этой клеветы корпус требовал в назидание другим примерно наказать меня.

От такого оборота дел я вначале чуть было не потерял дар речи. Но потом на основании сохранившейся у меня копии накладной мне удалось доказать правомерность своих действий и что покрышки были выданы по всем правилам. При этом я подчеркнул, что действительно заслужил бы наказания, если бы не получил их.

⁴¹ Хауссер Пауль (1880–1972) – немецкий военный деятель, генерал-лейтенант рейхсвера, оберстгруппенфюрер СС и генерал-полковник войск СС. Один из создателей и руководителей войск СС.

К счастью, генерал Хауссер сообразил, что тот бравый фельдфебель просто хотел отвести от себя гнев своего начальника. Однако правила требовали ответа на бумагу из корпуса, и генерал решил доложить, что в отношении меня он ограничился порицанием, лишая тем самым канцелярских крыс пищи и повода для раздувания бумажной переписки.

Мне было разрешено вернуться домой и догулять отпуск, ведь генералу никто не осмелился доложить, что меня отозвали только из-за этого разбирательства. Однако отпускное настроение было испорчено, и я решил не ехать.

В наших «частях усиления СС», как мы тогда еще назывались, дисциплинарные и судебные наказания были гораздо строже, чем в других воинских частях вермахта. Мы приветствовали это, поскольку такое положение хорошо сказывалось на общем поведении войск и воспитании личного состава.

Во время продвижения по Франции летом 1940 года были изданы особо строгие приказы, которые были призваны пресекать проявления мародерства любого рода. Солдат нашей дивизии сурово карали за малейшую попытку взять чужое, будь то даже лоскуток ткани для защиты от мучившей всех пыли. При этом командиры всех степеней обязывались искоренять подобные явления.

В этой связи характерен один случай, произошедший во время рождественских праздников под Везулем. Один француз обратился с жалобой, что солдат из нашей части попытался изнасиловать его жену. Только появление оскорбленного мужа помешало свершиться этому преступлению. И хотя на женщине не было следов насилия, солдат предстал перед военно-полевым судом, был приговорен к смертной казни и расстрелян.

Подобные суровые приговоры являлись для нас свидетельством, лишним раз показывающим, что в наших элитных войсках за любой проступок следует более суровое наказание, чем в обычных частях. С другой стороны, они были призваны продемонстрировать населению оккупированных территорий стремление немецкого командования защитить местных жителей от любого рода посягательств.

Зима 1940/41 года оказалась очень суровой. Особенно это чувствовалось на славящемся своим жестким климатом плоскогорье, где раскинулся город Лангр, на окраине которого мы стояли. Служба продолжалась, а наш дивизион постепенно разрастался, превращаясь в настоящую боевую часть. Автомобильная техника не доставляла мне особых хлопот, водители приобрели необходимый опыт вождения, и у меня высвободилось больше свободного времени. Его я старался использовать для проникновения в тайны баллистики, чтобы понять основы применения артиллерии как рода войск.

Меня подвигала к этому святая Варвара, покровительница артиллеристов. В скором времени я освоил основы и правила стрельбы и без особого труда мог вести беседы на узкоспециальные темы. В области теории мне действительно удалось заметно продвинуться, и теперь в случае необходимости я мог быть использован помимо своей узкой специальности.

В то время между французским местным населением и оккупационными войсками установились поистине отличные отношения. У меня постоянно возникало ощущение, находившее свое подтверждение в ходе различных разговоров, что ни французы, ни немцы не видели никакого смысла в этой войне. Я нигде не находил свидетельств якобы исторически сложившейся антипатии и враждебности. Французские патриоты только опасались, что в будущем новом европейском порядке Франции не будет отведена подобающая ей роль. Чувствовалось, что они гордятся историческими свершениями своей родины. И вот что интересно, в ходе разговоров именно с такими патриотами я очень быстро находил общую платформу по вопросам дальнейшего развития Европы.

Мы покинули Францию так же внезапно, как и вошли в нее. За политическими событиями, развивавшимися на юго-востоке Европы, никто из нас особо не следил. Ведь начавшаяся между Италией и Грецией война не требовала немецкого вмешательства. Сложившуюся

ситуацию изменило только свержение дружественного Германии югославского правительства. Тогда наша дивизия СС «Райх» получила приказ в срочном порядке занять исходный район на юго-западе Румынии.

Опыт приходит со временем, и совершение в конце марта 1941 года марша после длительного перерыва явилось для нас долгожданной сменой декораций. Никто тогда не думал о возможности возникновения на Юго-Востоке серьезной войны.

Перед передислокацией мне разрешили на одну ночь навестись в Вену и повидаться со своей семьей. Уже на следующий день на границе с Венгрией я нагнал свою часть, остановившуюся для заправки машин. Мне было очень интересно наблюдать за тем, с каким дружелюбием и предупредительностью с нами обращалось местное население. И это была не только давно известная мне традиционная венгерская гостеприимность, а настоящая симпатия, которую народ выказывал по отношению к нам, немцам. Наше следование по улицам Будапешта напоминало триумфальную встречу населением своих войск, возвращающихся с победой. Наши машины буквально забрасывали апельсинами и шоколадом, цветами и сигаретами. Набережная Дуная была полна народом, приветствовавшего нас восторженными криками.

Проследовав Сольнок, город в Центральной Венгрии, и небольшой городок Дьюла, мы вышли к границе с Румынией.

Это были уже подлинны Балканы. Хорошие дороги внезапно сменились на такие разбитые, что их состояние не поддается никакому описанию. Над колонной постоянно висело густое облако пыли, а выбоины, которые объехать не представлялось возможным, доставляли мне немало хлопот. Рессоры лопались, и таких поломок становилось все больше и больше. В результате машины вставали одна за другой, и это становилось настоящим бедствием.

Наконец показался Темешвар⁴², южнее которого, вблизи от югославской границы, мы и заняли исходный район. Крестьяне по своему происхождению по большей части были немцами и принимали нас очень сердечно. В эти дни многие солдаты почти не притрагивались к еде, приготовленной на наших полевых кухнях. Не зря Банат⁴³ считается одной из самых плодородных сельскохозяйственных областей Европы, но большая заслуга в этом принадлежала именно немецким поселенцам.

Поздно вечером гауптман Румор позвал меня к себе. Я застал его за праздничным столом в обществе начальника штаба дивизиона. Командир зачитал мне только что полученный из полка приказ: «Фельдфебелю Скорцени присвоено воинское звание лейтенант резервных войск СС. Приказ вступает в силу с 30 января 1941 года».

После этого начальник штаба волшебным образом вынул из кармана два новеньких погона и нацепил их мне на место старых. Затем из подвала на свет были извлечены бутылки, вино разлито по бокалам, и мы торжественно чокнулись. Нужно ли говорить, что наше заседание продолжалось до раннего утра?

По тому, как осуществлялся подвоз боеприпасов, и по ряду других признаков мы поняли, что скоро начнется нечто серьезное. И вот в ночь на 5 апреля 1941 года мы двинулись к границе. Погода благоприятствовала скрытному выдвижению – дождь лил как из ведра! Однако дороги не были на это рассчитаны, их развезло, и они превратились в настоящее месиво. Вскоре нам пришлось передвигаться по колено в грязи. Положение еще более ухудшилось, когда перед приграничной деревней мы вынуждены были свернуть с так называемой «главной дороги». Ох и досталось же тогда нашим немногим вездеходам!

Отбуксировав одну машину за другой, мы наконец заняли укрытие позади крестьянских домиков и сараев. Граница лежала в каких-то сотнях метров к югу от деревни, а позади нее на обратных склонах заняли огневые позиции наши батареи, доложив о готовности к стрельбе.

⁴² Темешвар – венгерское название румынского города Тимишоара.

⁴³ Банат (Баншаг) – историческая область в Центральной Европе, разделенная между Сербией, Румынией и Венгрией.

Поскольку толку от меня на командном пункте дивизиона было мало, я попросился в четвертую батарею.

Гауптман Нойгебауер, немолодой уже офицер, оборудовал свой наблюдательный пункт в стоге сена, стоявшем почти на самой границе. В пять часов сорок пять минут, предваряя атаку пехоты и легких бронетранспортеров, должен был начаться огневой налет. Наступал понедельник 6 апреля 1941 года.

Нервы у всех были взвинчены до предела, ведь наш дивизион проходил боевое крещение. Для меня это тоже являлось первым непосредственным соприкосновением с противником. Как всегда в такой ситуации, минуты текли медленно. В который раз расстояния по карте были измерены, а команды на стрельбу рассчитаны и перепроверены. Те, у кого имелся бинокль, залегли в укрытия и смотрели в сторону неприятеля.

Гауптман Нойгебауер плеснул нам из своей фляги по глоточку крепчайшего шнапса и чокнулся со мной. От обжигающего напитка по телу пошло тепло, прогнав озноб, вызванный утренним холодом и сыростью, а также странное подсасывающее ощущение в животе. Бывалый вояка Нойгебауер, прошедший поля сражений Первой мировой войны, объяснил причину этого ощущения. Перед каждой битвой оно появляется у всех – у кого сильнее, у кого слабее. Я смог сравнить его с теми чувствами, которые испытывал когда-то перед первой студенческой дуэлью на шпагах.

Мы с Нойгебауером, глубоко закопавшись в сене, вновь лежали в стогу, непрерывно поддерживая связь с огневой позицией батареи и время от времени, чтобы успокоить нервы, выкуривали по сигарете, соблюдая необходимые меры предосторожности. Стрелки часов показывали уже пять часов сорок четыре минуты утра, неумолимо приближаясь к назначенной отметке. Наконец большая стрелка дошла до нее, и тогда Нойгебауер скомандовал:

– Батарея, огонь!

Раздался грохот, и над нами со свистом полетели снаряды.

Через два часа все закончилось. Вражеская позиция была взята, и мы получили приказ приготовиться к движению. В десять часов колонна построилась и начала медленно плестись по дороге, а я вернулся в штаб. Вскоре показался только что взятый противотанковый ров, открыв вид на еще дымившееся поле битвы и санитаров, отгаскивавших раненых к санитарным машинам, отвозивших их в тыл. Некоторым помочь было уже нельзя, убитых подбирали и складывали друг возле друга.

«Шеренга – судьба солдата, – подумалось мне. – Строй и шеренгу своего подразделения он может покинуть только тогда, когда его настигнет последний приказ. Но и в этом случае его удел – вновь навечно лежать в шеренге рядом со своими боевыми товарищами».

По сооруженному саперами мосту мы стали перебираться через противотанковый ров, достигавший пятиметровой ширины. Возникла пробка, колонна остановилась, и у меня появилась возможность осмотреться. Кругом валялось оружие, а за укрытием лежало перевернутое противотанковое орудие. Чувствовалось, что в некоторых местах сербские солдаты удерживали свои позиции до последнего вздоха – еще виднелись следы недавней ожесточенной рукопашной схватки.

Длиннющие винтовки с примкнутыми штыками мрачно смотрелись на фоне коричнево-зеленой униформы убитых солдат. У них были загорелые и изможденные лица крестьян, медленно приобретающие серый цвет. Почти все сербские солдаты носили пышные темные усы.

Чуть поодаль виднелась группа пленных. С почти восточным стоическим спокойствием они сидели на корточках, курили сигареты, жевали хлеб, пуская буханку по кругу, или просто лежали, вытянувшись прямо на земле и глядя в серое небо. Пленные даже не пытались взглянуть на тех, кто к ним подходил. Один из них, пожилой солдат, говорил по-немецки. Он был родом из Боснии и выучил язык, общаясь в течение многих лет с австрийскими солдатами.

– Нет, мы не понесли особо больших потерь. Просто не смогли больше держаться против вас, – пробормотал он, отвечая на мой вопрос. – Однако для нас война закончилась. Когда я теперь вновь увижу свой двор?

Этот последний вопрос, похоже, был единственным, который его интересовал. Острое желание поскорее вернуться к своему клочку земли, пожалуй, является характерным для всех людей, работающих на земле.

– Скоро ты вернешься домой на свой двор, – подбодрил я его.

В ответ на эти простые слова утешения пожилой солдат мне низко поклонился.

Через пару километров мы подошли к населенному пункту Вршац. Город был взят нашим разведывательным дивизионом совсем недавно. Видимо, для противника это явилось настолько неожиданным, что он оставил его без боя. Во всяком случае, следы сражения не просматривались, а на улицах царила обычная жизнь.

Здесь, в Вршаце, я наконец-то понял, почему вид балканских городов так напоминает мне родину. Здания муниципалитета, церкви, школы, ратуши и большинство городских домов были везде одинаковы. Это являлось напоминанием о временах старой монархии, которая наложила отпечаток своей культуры на строительную архитектуру. Незамысловатый стиль буквально всех построек отражал подход к этому делу некогда правившей здесь былой австрийской бюрократии. Даже стеклянные фонари на центральной улице в точности копировали светильники в предместьях Вены, позволяя в мыслях легко перенестись на несколько десятилетий назад.

Вскоре наша дивизия оказалась перед городом Панчево. Местность к востоку еще не была разведана, но по сведениям, полученным от местных жителей, к небольшой высотке мелкими подразделениями отошли сербские части. Я как раз находился в штабе полка, и мне поручили возглавить разведгруппу, чтобы выяснить, что к чему. Дороги после дождя развезло до такой степени, что для колесных машин они стали непроходимыми. В стороне же от главной дороги положение было еще хуже. Поэтому мне дали два тягача. Посадив на каждый по двенадцать человек, я отправился на задание.

Мы ехали с большой осторожностью, спешиваясь перед каждой деревне, и дальше, прикрывая друг друга, продвигались по одному. Но все наши меры предосторожности оказались напрасными. Ничего не происходило. Третья деревня оказалась самой большой и красивой, а местные жители вышли нам навстречу и приветствовали как освободителей. Оказалось, что этот населенный пункт являлся закрытым немецким поселением Карлсдорф. Никогда ранее мне не доводилось видеть столь искренней радости, как ту, которую проявляли эти люди. Они никак не хотели отпускать нас, но требовалось идти дальше и подняться на высоту. Желая нам помочь, жители предупредили, что следующие две деревни целиком и полностью населены сербами и следует проявлять большую осторожность.

По сравнению с Карлсдорфом следующие деревни выглядели весьма убого. По моему приказу ко мне доставили бургомистров, и они подтвердили, что накануне и в этот же день в сторону высоты проследовало несколько небольших групп сербских военных. Повинуясь своему внутреннему чувству, я направил второй тягач по параллельной дороге примерно в пятистах метрах южнее с тем, чтобы встретиться с ним на обратном склоне высоты. В случае возникновения опасности мы должны были продвигаться прямо по полям, оказывая друг другу взаимную поддержку.

Машины шли, находясь на расстоянии прямой видимости, изредка скрываясь то за деревьями, то за складками местности. Вскоре обе они оказались у подножия высоты. Кругом были густые заросли кустарника, закрывавшие обзор, и нам пришлось спешиться. Дальше мы продвигались в пешем порядке, а тягачи медленно ехали следом.

Внезапно со стороны второй нашей группы послышались крики, а затем раздались выстрелы. Я прыгнул со своими людьми в укрытие, а оба моих пулеметных расчета заняли

огневые позиции. В этот момент откуда-то снизу прямо на нас стала надвигаться группа вражеских солдат.

– Огонь не открывать! Пусть подойдут поближе! – приказал я.

Когда первые сербы приблизились на расстояние примерно восемьдесят метров, я громко крикнул по-сербски: «Стой!»

Они озадаченно остановились, переглянулись и побежали в обратную сторону. Снизу раздалось несколько выстрелов, сербы растерялись и побросали свое оружие. Я встал, но так, чтобы в случае чего сразу же залечь за небольшим возвышением на склоне высоты. Однако выстрелы смолкли.

С высоко поднятыми руками сербские солдаты двинулись в нашу сторону. Их становилось все больше и больше! У меня перехватило дыхание, и я с ужасом подумал: «Только бы все закончилось хорошо, ведь если они узнают, что нас так мало...»

Тут сзади появилась моя вторая группа с оружием на изготовку. Когда мы собрали сербов воедино, то оказалось, что в плен попало шестьдесят солдат с тремя офицерами. Отобрав у офицеров их пистолеты, мои разведчики подобрали брошенное оружие, и все направились к краю поля, где стояли две телеги. Я приказал прицепить их к тягачам, взял с собой офицеров, а остальных пленных рассадил по подводам. Через переводчика мне удалось допросить офицеров и выяснить, что данная группа являлась последним организованным подразделением, поскольку все остальные разбежались кто куда.

Назад мы возвращались медленно и только через две сербские деревни проследовали на максимальной скорости, да так, что телеги позади тягачей пустились чуть ли не в пляс, грозя развалиться в любую секунду. Сербским солдатам пришлось не сладко, и они крепко цеплялись за дровни. Мы никого не потеряли, но в безопасности почувствовали себя только тогда, когда оказались в окрестностях Карлсдорфа.

За пару часов нашего отсутствия облик деревни изменился до неузнаваемости. Улицы были полны народу, казалось, что весь Карлсдорф находится на ногах! Когда мы с громким лязгом свернули к ратушной площади, оказалось, что улица покрыта свежескошенной травой, словно приготовленная для процессии. У здания ратуши нас остановили, и какой-то учитель произнес пару приветственных слов. Чувствовалось, что он взволнован до глубины души. От переизбытка чувств у него постоянно пересыхало в горле.

Мы не знали, что произошло. К тому же и пленные, открыв рот, как-то странно смотрели на нас.

«В чем дело? В нас нет ничего особенного», – подумал я.

Тут ко мне направился бургомистр, одетый как на праздник в черный крестьянский наряд.

«Надо хотя бы позать ему руку», – подумал я, спрыгивая с тягача.

Но сделать это оказалось не так-то просто. Меня обступили со всех сторон так, что обеих моих рук не хватало, чтобы ответить на приветствия и взять все букеты прекрасных цветов, специально срезанных в палисадниках по данному случаю. Наконец бургомистр взял слово. В своей речи он горячо поприветствовал нас как своих земляков и выразил надежду, что мы больше не уйдем с этой земли.

– Карлсдорф никогда не забывал про свою старую немецкую родину, – подчеркнул бургомистр. – Мы сделаем все для Германии!

После такой речи он пригласил нас отведать простой крестьянской еды, которую, по его словам, для долгожданных гостей готовили во всех домах деревни.

Наша разведывательная операция, неожиданно завершившаяся радостным праздником, как и все хорошее, быстро подошла к концу. Полковник Хансен выслушал мой доклад с большим интересом, придав произошедшему гораздо большее значение, чем можно было предположить. Даже последующее описание событий, не имевших на первый взгляд к военным

действиям никакого отношения, оказалось весьма существенным. Полковник немедленно связался по телефону со штабом дивизии и доложил о полученных результатах.

– Вас следует наградить Рыцарским крестом, но его вы еще успеете заслужить, – обращаясь ко мне, заявил он. – Я только что представил вас к присвоению внеочередного воинского звания обер-лейтенант и получил одобрение. Сердечно поздравляю и надеюсь, что вы правильно оцените мое решение.

Еще бы я был не согласен! Такого мне не снилось даже в самых смелых мечтах.

– Так точно! – по-военному громко рявкнул я. – Покорнейше благодарю!

Уверен, что в этот момент моя вторая, гражданская, часть души потеснилась на второй план.

Направляясь к Белграду, мы дошли до Панчева, где наш разведывательный дивизион, первым вошедший в город, сменила другая немецкая воинская часть.

Вскоре паромная переправа через Дунай была готова, соответствующий приказ отдан, и вот я уже двигался в югославскую столицу. Проезжая по улицам города, я впервые смог оценить работу наших «Штук»⁴⁴. Тогда это зрелище еще производило на нас огромное впечатление. Дороги были завалены щебнем, а часть городских кварталов превратилась в сплошные руины. Примечательным было то, что на улицах не находилось ни одного немецкого солдата, а вот население вновь стало заполнять дороги и площади. Похоже, что жители этого большого города еще не забыли про налет нашей авиации – приветственные улыбки почти не встречались.

Несколько недель мы находились вблизи Панчева в качестве оккупационных войск.

Нам было невдомек, что нас ожидает в этом году. И хотя все чувствовали себя здесь довольно уютно, приказ о новом выдвижении мы восприняли с энтузиазмом. Для отдыха нашей дивизии был отведен район в восточной части Австрии, и я несказанно обрадовался перспективе провести несколько недель на родине.

В последующее время все были заняты лихорадочной деятельностью по восстановлению боеспособности нашего соединения. Техника нуждалась в ремонте, поскольку последний, хотя и короткий, военный поход принес неслыханное число поломок. Меня, естественно, больше всего беспокоило состояние автопарка своего дивизиона. Ведь, несмотря на то что наша дивизия была создана совсем недавно, более сотни изначально имевшихся у нас грузовиков нуждались в замене на трофейные автомобили, захваченные на Западе.

Германская автомобильная промышленность по-прежнему выпускала свои фирменные автомашины, и, хотя об унификации и стандартизации говорилось не один раз, а Гитлером был даже назначен специальный уполномоченный по данному вопросу, в войсках никакого результата мы не ощущали. Да и распределительные пункты, входившие в подчинение высших инстанций вермахта, тоже работали в этом плане недостаточно хорошо. У меня даже возникло подозрение о том, что наших проблем наверху никто не замечает. А ведь моторизация не только дала быстроту продвижения войск, она требовала еще и соответствующего тылового обеспечения.

Вопрос по обеспечению транспортных средств всем необходимым становился все более решающим независимо от того, велись ли наступательные или оборонительные боевые действия. Однако наличие множества типов автомобильной техники не позволяло наладить снабжение запчастями. В результате выход из строя автомашин на долгое время и сокращение числа работоспособного транспорта становились неизбежными.

⁴⁴ «Штука» – немецкий самолет-пикировщик «Юнкере Ю-87», имевший у русских прозвище «певун», «лаптежник», реже – «лапотник».

Глава 3

Переброска к Бугу. – 22 июня 1941 года. – Великое наступление. – Брест-Литовская крепость⁴⁵. – Коллективизм. – Болота Припяти. – На Днепре. – Русский сапожник. – Плацдарм под Ельней. – Коктейль Молотова. – Атака Т-34. – Русский метод ведения боя

В середине июня нашу дивизию перебросили в Польшу. На этот раз перевозка осуществлялась по железной дороге до города Литцманнштадт⁴⁶ (Лодзь), и мы, технические специалисты, могли облегченно вздохнуть. Ведь это означало, что хотя бы до Лодзи колесный парк машин останется в целостности. Когда техника была погружена на платформы, настала и наша очередь рассаживаться по вагонам, чтобы без забот и хлопот доехать до места назначения.

Разговоры часами вертелись вокруг цели очередного применения нашей дивизии, и никому даже в голову не приходило, что речь идет о России. Наоборот, ходили упорные слухи, что следующей целью являются нефтеносные районы Персидского залива. Россия якобы предоставит для германских сухопутных сил свободный проход, и мы войдем в Иран через Кавказ. Обсуждалась не такая уж далекая возможность превращения мусульман в друзей и привлечения их на свою сторону для защиты рынков сбыта и жизненно важного сырья.

По другой версии, нас должны были перебросить через Турцию в Египет, чтобы взять британские ближневосточные войска в клещи. Я даже прихватил с собой книгу Лоуренса «Семь столпов мудрости»⁴⁷.

В Лодзи (Литцманнштадте) произошла разгрузка, и наш дивизион покати по пыльным проселочным дорогам. За одну ночь мы преодолели расстояние вплоть до восточной границы рейха и расположились на постой в деревне примерно в пятидесяти километрах от пограничной реки Буг южнее русского Брест-Литовска. Домишки в ней были настолько убогими, что нам больше по душе пришлась перспектива ночевать в палатках в лесу. Теперь у меня появилась возможность поближе познакомиться с неведомой мне до той поры страной. Раньше я и предположить не мог, что люди и животные могут жить так близко друг от друга. Жилые помещения и хлев располагались рядом, не разделенные даже хоть какой-нибудь перегородкой. Они как бы перетекали друг в друга, и дети буквально росли вместе с молодыми животными. Вода ценилась чуть ли не на вес золота, и ее едва хватало для водопоя и приготовления пищи.

Вскоре мы заметили, что все наши измышления о цели дальнейшего применения далеки от истины, так как подготовительные приказы указывали на скорое начало наступательных действий. Значит, речь все же шла о Советском Союзе! О таком мы действительно даже не думали! Конечно, нам было ясно, что пакт о ненападении между Германией и Россией⁴⁸ не может продлиться вечно, но чтобы разорвать его именно сейчас, во время войны? Такое предположить было невозможно!

Неужели речь шла о пагубной для Германии перспективе ведения войны на два фронта или нам все же удастся еще раз осуществить молниеносную войну? Перед нашим внутренним

⁴⁵ Брест-Литовская крепость была возведена на четырех островах, образованных рукавами рек Мухавец и Западный Буг. Вступила в число действующих крепостей первого класса Российской империи 26 апреля 1842 г. В настоящее время находится в черте города Бреста (Республика Беларусь).

⁴⁶ В апреле 1940 г. город Лодзь был переименован фашистами в Литцманнштадт в честь германского генерала Карла Литцманна, убитого недалеко от Лодзи в 1915 г.

⁴⁷ «Семь столпов мудрости» – беллетризованные мемуары британского офицера Т.Э. Лоуренса о времени арабского восстания против Османской империи в 1916–1918 гг.

⁴⁸ Имеется в виду Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом, известный также как пакт Молотова – Риббентропа, подписанный в Москве 23 августа 1939 г., согласно которому стороны обязывались воздерживаться от нападения друг на друга и соблюдать нейтралитет в случае, если одна из них становилась объектом военных действий третьей стороны.

взором вставали необъятные просторы Русской земли, и многие из нас втайне начинали вспоминать судьбу Восточного похода Наполеона.

Но скоро все эти мрачные раздумья прекратились, ведь они все равно ничего не могли изменить! Они могли только пагубно отразиться на нашей боеспособности.

«Командование лучше знает, что делает», – решили мы.

Речь же шла о нашем главном мировоззренческом противнике, и если уж на наше поколение выпала тяжелая доля вооруженного решения данных разногласий, то следовало принять это всем сердцем.

После проведения рекогносцировки нашим батареям были определены огневые позиции у Буга. Низкий кустарник давал слабое укрытие. Тем не менее иногда в сопровождении некоторых своих товарищей по оружию я совершал прогулки по берегу реки.

На другой стороне можно было видеть русские пограничные наряды, численность которых несоизмеримо возрастала. Бросались в глаза типичные для русских границ высокие деревянные сторожевые вышки, которые я видел впервые в жизни. Наши же наблюдатели сидели на высоких деревьях, скрываясь за густой листвой. Порой и мне на полчаса приходилось вскарабкиваться на эту верхотуру.

В один не самый лучший день в штаб-квартире Гитлера «кости были брошены», машина отдачи приказов завертелась, и до нас довели день «X» начала наступления. Это было 22 июня 1941 года! В пять часов утра⁴⁹ маховик войны должен был снова прийти в движение и на этот раз направить свой огневой вал на Восток. Накануне в корпусе⁵⁰ зачитали приказ о наступлении, и командующий им генерал выступил перед командным составом обеих входивших в него дивизий с речью, проникнутой оптимизмом и уверенностью в скором разгроме противника.

– Через несколько недель в Москве состоится парад победы! – с торжествующим видом заявил он.

Интересно, исходила ли такая уверенность от чистого сердца хотя бы тогда?

Данное заявление быстро разнеслось по войскам и в первые недели воодушевляло их подниматься в стремительную атаку.

Теперь, когда пишутся эти строки, относящиеся к военному походу против России, я хорошо понимаю, что такие слова являлись не более чем напыщенной фразой. Осознали это и миллионы немецких солдат, которым на себе довелось испытать, насколько далеки от истины были подобные заверения.

Необъятные русские просторы измеряются не только одними километрами. Там раздвигаются даже границы, в которых мыслит и чувствует обычный человек. Для того чтобы понять истинную «русскую душу», требуется пожить в этой стране на протяжении многих лет. Нам, западноевропейцам, эта душа, как и необъятные просторы России, представлялась непостижимой загадкой, наполненной таинственным и бесконечным мраком.

Для того чтобы объективно описать и проанализировать события прошедшей войны, потребуется многолетний труд многих офицеров Генерального штаба. Мне же хочется поведать лишь о тех немногих эпизодах и изложить отдельные подробности случаев, свидетелем которых я стал.

Наступило воскресенье 22 июня 1941 года. Еще в полночь орудия выдвинулись на заранее подготовленные огневые позиции, а саперы и пехота заняли исходное положение для атаки. Как всегда перед большим наступлением, нервы у всех были на пределе. Но и в такой обстановке особенности в психике отдельных людей вполне различались. В одном месте о чем-то тихо шептались два солдата, в другом кто-то мирно спал с боевой выкладкой за спиной и зажав

⁴⁹ Автор указывает центральноевропейское время, называемое иногда средневропейским временем.

⁵⁰ 22 июня 1941 г. дивизия СС «Райх» входила в состав 46-го моторизованного корпуса 2-й танковой группы группы армий «Центр». По состоянию на июль 1941 г. в составе корпуса кроме дивизии СС «Райх» действовали 10-я танковая дивизия и пехотный полк «Гроссдойчланд». Командовал корпусом генерал танковых войск Генрих фон Фитингхоф.

винтовку в правой руке. Его стали тормошить, так как он храпел слишком громко. Но раздавшийся в пять часов утра грохот канонады пробудил каждого – по всему фронту, изрыгая пламя, одновременно открыли огонь тысячи орудий. На протяжении пятнадцати минут снаряды всех калибров со свистом пронеслись в сторону противника. От разрывов снарядов стонала земля, а воздух дрожал, как во время сильной грозы в горах – могуче и страшно.

Наконец саперы спустили на воду десантные и надувные лодки, пехотинцы запрыгнули на них, и движение началось. Мы же со своим тяжелым оружием некоторое время оставались на месте. Вперед выдвинулись только передовые артиллерийские наблюдатели, с тем чтобы обнаруживать новые цели и корректировать огонь.

Я взобрался на громадный древний дуб и стал наблюдать за противоположным берегом. Однако только по шуму боя можно было определить, как развивалось сражение. Наши войска продвинулись уже на пять-шесть километров, докладывая об ожесточенном сопротивлении противника в отдельных местах. Однако русские части не смогли сдержать нашего яростного натиска и стали медленно отходить в леса и болота, ведя отчаянные оборонительные бои.

Построившись в походный порядок, мой дивизион двинулся по проселочным дорогам. В нескольких километрах к северу от нас возле польского городка Кодень саперы соорудили понтонный мост, и на следующее утро мы, осторожно пройдя по нему, переправились на правый берег Буга возле Брест-Литовска.

Город был уже в наших руках. Образовавшаяся длинная пробка дала мне возможность взглянуть на крепость, где все еще шел бой. Русские подразделения закрепились во внутренних казематах и отчаянно сопротивлялись. Внешние крепостные укрепления были уже захвачены, однако взбираться на них мне пришлось чуть ли не ползком. Русские снайперы внимательно следили за каждым движением, и стоило проявить малейшую неосторожность, как немедленно следовал меткий выстрел. На моих глазах рухнул как подкошенный не один солдат. Всякое предложение о сдаче и прекращении огня неприятелем отклонялось.

Отчаянные попытки проникнуть в казематы и взять их штурмом ни к чему не приводили. Об этом хорошо свидетельствовали лежавшие повсюду убитые, одетые в униформу защитного серого цвета. Потребовался не один день для взятия последнего убежища. Русский гарнизон держался буквально до последнего патрона и до последнего солдата.

Подобное наблюдалось и на вокзале, где подразделения противника, скрываясь в длинных подвалах, отказывались сдаваться. Как я позднее услышал, все помещения пришлось залить водой, поскольку другие попытки взять вокзал в свои руки успехом не увенчались.

Однако мы быстро забыли об этих картинах отчаянного сопротивления и вспомнили о них только в более поздних боях. Путь для продвижения вперед, так называемую рулежную дорожку, которая вела от Брест-Литовска на Восток, нам прокатывали передовые части. Но она не была широкой столбовой дорогой. Более того, слева и справа от нее наши войска вели бои, что не мешало им быстро идти вперед.

Мы видели первые подбитые русские бронетранспортеры. Эти боевые машины, несомненно, были не так хороши, как немецкие, – слишком слабая броня, да и вооружение на первый взгляд не самое новое.

Наши танки, по всей видимости, ушли уже далеко. Время от времени нам попадались брошенные ими пустые прицепы. Ведь во время длинных маршей танковые подразделения всегда прицепляли к боевым машинам пару бочек с бензином, что позволяло войскам чувствовать себя более независимо от служб снабжения.

Севернее города Кобрин у меня впервые появилась возможность своими глазами посмотреть, что представляет собой русский колхоз. Огромный склад предназначался для обеспечения жителей близлежащих деревень. Подойдя, мы застали местное население за весьма неприглядным занятием – крестьяне тащили все, что могли унести. Они нуждались во всем! Растаскивались даже деревянные поддоны и ящики. Когда русские нас увидели, они бросились

наутек, но свою добычу не кинули. После того как все было спрятано, они вернулись и встали на некотором удалении, дожидаясь, скорее всего, пока мы уедем.

На складе чего только не было. Сухари из засохшего черного хлеба лежали рядом с ведрами, наполненными подсолнечным маслом, ящики с гвоздями стояли вместе с бумажными упаковками необычайно крепкого табака под названием «махорка», новехонькие и поношенные стеганные серо-коричневые ватники размещались около рабочей обуви с деревянными подошвами и традиционными валенками. Все это добро, видимо, принадлежало одному ведомству, а здесь был своеобразный распределительный пункт по снабжению окрестных деревень предметами первой необходимости. Во всяком случае, на такой вывод наталкивало отсутствие каких-либо других магазинов или лавок. Да по-иному и быть не могло, ведь разрешались лишь предприятия потребительской кооперации.

Вооружившись несколькими пачками махорки, я направился к местным жителям и попытался с ними поговорить. К сожалению, рядом не было переводчика, и мне пришлось объясняться при помощи языка жестов, понимаемого в большинстве стран мира. То, что крестьяне взяли табак, меня не удивило, но их отказ принять также немецкую папиросную бумагу был непонятен. В ответ все мужчины как один достали скомканные старые газетные листы, мастерски оторвали от них по клочку и в мгновение ока скрутили себе сигареты. В нос ударил неприятный запах горелой бумаги, но им, судя по всему, он нравился.

Постепенно мне удалось выяснить, что товары со склада отпускались крайне редко и крестьянам приходилось экономить. Например, стеганные ватники работающим в колхозе крестьянам выдавались один раз в два года, а валенки – только каждые три года. Сахар и масло считались большой редкостью, и именно их они тащили в первую очередь. К моменту появления наших солдат этих продуктов питания на складе уже не осталось.

Крестьяне были обязаны сдавать государству все, что они производили и выращивали, а власть строго следила за соблюдением этого требования. Тем не менее, как мне показалось, людей такое положение вполне устраивало.

«Видимо, русский народ еще не избавился от пережитков крепостного права, вошедших в его плоть и кровь», – подумал я тогда.

Уже через четыре дня мы оказались в районе поселка Городец, где русские организовали так называемое сдерживающее сопротивление. Некоторое время они храбро сражались, а потом при удобном случае оторвались от наших войск и отошли. Тогда все мы были уверены, что натолкнулись на свежие части Красной армии, которые продолжали подходить из глубины. Этим же, по нашему мнению, объяснялось и то обстоятельство, что русские при благоприятной тактической обстановке организовывали весьма чувствительные для нас контратаки.

Под Городцом мне удалось наведаться в бывшую маленькую электростанцию. Ее внутренние помещения оказались совершенно пустыми. Такого мастерски проведенного демонтажа оборудования с последующей эвакуацией я еще не видел – не осталось ни одного выключателя, ни единого лампового патрона, ни даже обрывка кабеля. Часть демонтированного материала мы все же обнаружили. Он в беспорядке валялся на близлежащих железнодорожных путях. Видимо, приказ об эвакуации запоздал, и она проводилась в спешном порядке.

Двигаясь дальше в восточном направлении, мы натолкнулись на заболоченные территории Припяти. Для чужаков они были непроходимыми. Тем не менее советское командование именно их мастерски использовало для подтягивания свежих крупных воинских частей.

К северу от маршрута нашего продвижения местность была слегка холмистой. Необъятные пахотные колхозные поля перемежались с такими же бескрайними невозделанными зелеными лугами. Их разделяли большие лесные массивы. Судя по всему, здесь ничего не знали о прореживании – для заготовки дров просто начисто вырубались большие просеки. Окультуриванием лесных массивов здесь никто не занимался.

Деревни, через которые мы проходили, оказывались по большей части пустыми – население по распоряжению властей отправлялось на Восток. Линии фронта как таковой не было, и немецкие дивизии просто маршировали в восточном направлении. При этом тылы за ними часто не успевали, и снабжение удавалось налаживать с большим трудом. Области, которые мы проходили, от остатков вражеских частей не очищались. Поэтому любое отставание в результате поломки автомашины представляло собой большую опасность. Ведь в тылу орудовали регулярные воинские подразделения противника, которые нападали на небольшие колонны, двигавшиеся в сторону главных сил.

Фронт, по сути, превратился в многочисленные отдельные схватки небольших подразделений и частей. Растянувшись по фронту, части нашей дивизии тоже сражались на значительном удалении друг от друга, причем головные из них находились уже в районе реки Березины. Они собирались было переправиться на другой берег, как вдруг натолкнулись на ожесточенное сопротивление русских. Это привело к тому, что разведывательный дивизион и пехотный батальон, поддерживаемый батареей нашего артиллерийского дивизиона, застряли. В нескольких километрах позади них на перекрестке дорог остановился и штаб дивизии. Небольшой жилой автоприцеп командира нашей дивизии, которого мы меж собой называли «папашей Хауссером», встал возле опушки леса. Здесь же был и небольшой штаб моего полка, в котором находился и я.

– Уже час дня, а у меня в животе урчит, – ругался полковник Хансен. – Было бы неплохо перехватить чего-нибудь горяченького.

– Этому можно помочь, – ответил я и, к его великому изумлению, словно фокусник, извлек из своей машины пару яиц и шмат сала.

Перед ступеньками штабного вагончика я развел костерок, и вскоре немного подгоревшая и подкопченная на дыму яичница была готова. Не успели мы толком поесть, как вдруг полковник резко вскочил и, приказав мне следовать за ним, бросился к опушке леса, находившейся сразу же за нашим вагончиком. Внезапно позади нас раздались три или четыре, не помню точно, хлопка от разрывов снарядов. Все стены вагончика были иссечены осколками, а нам хоть бы что. Столь ярко выраженную способность чувствовать приближающуюся опасность, какую обнаружил командир нашего полка, я наблюдал впервые в своей жизни. Позднее о ней слагали чуть ли не легенды.

Генерал Хауссер вызвал к себе на совещание командира полка, который, вернувшись, ознакомил нас со сложившейся обстановкой. Головные части дивизии, в том числе и мы, слишком далеко оторвались от основных сил, и было совершенно неясно, свободна ли от противника дорога, по которой нам надлежало идти. Мощности же наших радиостанций не хватало, чтобы по радио запросить подмогу авиации, базировавшейся в ста двадцати километрах от нас. Поэтому следовало, как минимум, подтянуть остатки моего артиллерийского дивизиона.

Я вызвался вернуться за ними. В мое распоряжение выделили мощный вездеход «Хорьх» и пятерых солдат в сопровождение. Все наше вооружение состояло из одного пулемета и пяти автоматов. На моей карте маршрут нашего движения был отмечен, и мне примерно представлялось, где следует искать дивизион. Но я знал, что наши карты не совсем точны, поэтому ехать приходилось, повинясь больше интуиции.

«Ничего, – подумал я, – как-нибудь сориентируюсь».

Езда в сопровождении всего нескольких человек по территории, еще не освобожденной от противника, представляла большую опасность, но, как офицеру, мне, естественно, не пришлось выказывать свои чувства. Наш путь лежал через необъятные леса, и нам часто приходилось объезжать глубокие, наполненные жидкой грязью ямы, чтобы не застрять. Наши нервы были на пределе, и порой мы слышали то, чего на самом деле не было. Не раз кто-нибудь из солдат давал очередь по подозрительному шороху за деревьями, а водитель давал полный газ.

Примерно на полпути нам попала деревня. Я помнил, что мы во время марша проследовали прямо через нее, но какое-то внутреннее чутье подсказало мне, что следует проявить осторожность и воздержаться от старой дороги. Наш вездеход свернул влево, и дальше нам пришлось ориентироваться по компасу, поскольку на карте новый путь обозначен не был.

Прошло около семи часов, и наступил уже вечер, когда мы нашли свой дивизион. Там я и узнал, к своей радости, что прежняя дорога действительно оказалась снова занятой русскими. Так что новый маршрут был разведан как никогда вовремя.

Назад вместе со всем дивизионом мы двигались гораздо медленнее. Ночью окружающий ландшафт предстает иначе, чем днем, и я, следуя во главе колонны, не раз предавался раздумьям – следует ли принять влево, или более правильное будет ехать вправо? Остатки горючего приходилось экономить, и нам доставалось, когда мы преодолевали песчаные или заболоченные участки. То и дело какая-нибудь машина застревала, и солдаты были вынуждены вытаскивать ее буквально на руках.

В полдень наконец-то появился командный пункт полка. Нас еще не ждали, и все были несказанно рады нашему появлению. Полковник Хансен от всей души похвалил меня и заявил, что при случае обязательно представит меня к награде.

К югу от деревни Божино мы переправились через Березину, потеряв здесь три дня, чтобы завоевать плацдарм на другом берегу реки. Русские подтянули сюда значительные силы и упорно оборонялись. За четырнадцать дней Восточного похода нам пришлось научиться работать лопатой. Редко когда удавалось оборудовать командный пункт на поверхности земли. По большей части приходилось вырывать глубокие узкие норы. Теперь даже для сна мы постоянно копали узкие окопы и прятались под землей, поскольку в воздухе то и дело проносились осколки от снарядов. Русская артиллерия стреляла часто и метко.

Дальше наш путь шел к Днепру. Длющийся часами дождь как бы предупреждал о том, что нам здесь еще предстоит пережить. Мы буквально вязли в жидкой грязи, а небольшие глинистые холмы превращались в почти непреодолимые препятствия. Уже первая сотня грузовиков, следовавших по единственной дороге, оставляла после себя ямы в метр глубиной, в которых тонули шедшие за ними машины. Их постоянно приходилось вытаскивать, и это давалось с большим трудом.

Заботливо заготовленные заранее «гибкие колеиные покрытия» давно утонули в грязи, и мы вынуждены были рубить молодые деревца, чтобы вымостить ими проезжую часть.

Тем не менее наши части хотя и очень медленно, но все же продвигались вперед. Рессоры у машин не выдерживали и ломались так часто, что вскоре у нас осталось не так уж и много автомобилей, способных выдержать подобную нагрузку. За весьма короткое время взятые с собой запасы стальных рессор были израсходованы, и мы встали перед проблемой, где раздобыть новые. Рассчитывать на брошенные противником грузовики, сиротливо стоявшие на обочине, не приходилось, поскольку каждая проходящая мимо воинская часть старалась снять с них все, что можно. Через короткое время от этих машин оставались лишь непригодные останки, и позже вдоль русских дорог стояли тысячи таких автомобильных скелетов.

Южнее города Шклов после короткого боя мы переправились через Днепр. Однако намеченная командованием дорога оказалась непроходимой, и большая часть нашей дивизии вынуждена была перебираться через реку севернее по наспех возведенному понтонному мосту. В этот момент до нас дошла ужасная весть о том, что единственная саперная рота, остававшаяся для обеспечения нижнего моста, ночью подверглась нападению русских. Кровавой бойни удалось избежать лишь двум солдатам, которые и рассказали о разыгравшейся трагедии. Картина боя говорила сама за себя, давая понять, с какими ожесточенными сражениями нам придется столкнуться здесь, на Востоке.

Почти не встречая сопротивления, мы проследовали поселок Сухари и вступили в город Чериков. После Брест-Литовска это был первый крупный населенный пункт, в котором мне

довелось побывать. Кроме горстки каменных зданий в центре поселка, который по своей протяженности вполне можно было назвать городом, везде виднелись типичные для России деревянные избы. Часть улиц оказалась даже мощенной, правда давно у нас забытыми средневековыми булыжниками. Бросалось в глаза изобилие на улицах громкоговорителей, что смотрелось диковато. Они были развешаны на столбах и воротах через каждые двести метров. Во всем городе только в одном доме, как пережиток былой роскоши, обнаружился старенький электромагнитный громкоговоритель, но и он являлся частью общегородских коммунальных услуг. До самой Москвы я нигде не увидел ни одного частного радиоприемника.

Для удобства во время этого военного похода я носил любимые солдатами сапоги с коротким голенищем или старые охотничьи сапоги из личного гардероба. По крайней мере, хоть одна пара обуви у меня всегда была сухой. Однако клейкость навоза, который попадался под ноги не только на полях, но и на дорогах, оказалась для подметок моих охотничьих сапог слишком серьезным испытанием. Между тем сапожная мастерская нашего полка находилась бог знает где, и я вынужден был заняться поиском сапожника. В противном случае мне пришлось бы браться за иголку самому.

Искомому мастера я обнаружил на окраине Черикова. Судя по всему, частника. Через маленькую прихожую дверь вела в единственное большое помещение избы, где собралась вся семья, причем хозяин дома восседал на своем рабочем месте у окна. Договориться с ним удалось с помощью пачки сигарет и буханки немецкого солдатского черного хлеба. Мне поставили табуретку, я снял свои сапоги, и мастер принялся за работу – обстукивать и прошивать их.

«Инструмент у представителей данной профессии во всех странах одинаковый», – подумал я.

Во всяком случае, молоток и игла, сапожный нож и шило, крученые нитки, треножник и деревянные колодки были в точности такими же, как в какой-нибудь маленькой сапожной мастерской в Германии. Только эти были немного беднее и более поношенными.

У меня появилась возможность оглядеться. Один угол занимала громадная, почти два метра в высоту каменная печь с открытой топкой. Наверху на не поддающихся определению обрывках покрывал лежало трое маленьких детей, старшему из которых было лет десять. Перед печкой стояла слегка покосившаяся скамья, у стенки – огромная кровать, а под висящей поношенной одеждой прямо на полу на соломенном матрасе лежала старая бабуля. Рядом виднелся небольшой деревянный топчан, на котором в беспорядке была разбросана старая одежда вперемешку с пучками соломы. На топчане, прижавшись друг к другу, по-турецки сидело еще два ребенка, не сводя с меня глаз. Они испуганно отвернулись, когда я посмотрел на них.

Широкие щели в деревянном полу указывали на ветхость постройки. Несмотря на июльскую жару, окна были плотно закрыты и, судя по запаху, стоявшему в помещении, много дней не открывались. Стены украшали только пестрый плакат, а также несколько помятых и наполовину порванных бумажных вырезок.

Буханку хлеба хозяйка дома положила на полку возле окна, видимо желая побережь ее, и стала суетиться возле плиты, где на открытом огне на железной треноге в горшке готовился напиток, напоминавший чай. Судя по запаху, заваривался чай из ежевики. Между тем женщина начала помешивать какую-то мучнистую кашу в глиняном горшке, и мне стало интересно, что из этого получится. Сняв горшок с чаем, она поставила на треногу слегка вогнутую железную плиту, скорее всего заменявшую сковородку, а затем бросила в тесто немного крупной соли серого цвета. Потом при помощи полотенца хозяйка сняла с треноги импровизированную сковороду, смазала ее чем-то непонятным темного цвета, вытрясла на смазанное место тесто из глиняного горшка и вновь водрузила железную плиту на открытый огонь.

«Что бы это могло быть?» – ломал я себе голову, пытаясь понять, что скрывалось под непонятным «нечто» темного цвета.

Наконец я не выдержал, встал с табуретки и, как был в носках, направился к полке, на которой лежал загадочный предмет. По характерному прогорклому запаху мне стало ясно, что передо мной старая шкварка, с чьей помощью на сковородку наносился слой жира.

Вся семья заметно оживилась. Бабушка даже приподнялась немного со своего ложа и повернула голову в сторону печи. При этом к ее сильно морщинистому лицу прилипло несколько соломинок. Но она, казалось, даже не обратила на них внимания. Двое старших ребятшек осторожно спустили ноги с топчана и уселись на корточках на полу. Младшие дети, цепляясь за шесты, ловко спустились с печи и замерли в ожидании. Даже хозяин дома несколько раз отрывался от работы, чтобы бросить косой взгляд в сторону плиты.

Наконец хозяйка прямо на скамью стрясла с импровизированной сковородки первую лепешку. Самый старший из ребят не спеша подошел, схватил кусок зажаренного теста и с жадностью начал его есть. Лепешка, несомненно, была очень горячей, но ребенок, казалось, не замечал этого. Теперь по очереди мать стала кормить других детей, а затем свою долю получила и бабушка. Причем ее лепешка была положена прямо на лохмотья, которыми прикрывалась старушка. Следующим свою порцию получил и отец семейства. Его долю жена стряхнула на замызганный рабочий стол. Последнюю лепешку взяла себе мать и принялась с отрешенным видом медленно жевать ее. Казалось, что для этих людей не было большей радости, чем просто поесть. Все происходило чисто автоматически, и даже жесты бледных и плохо выглядевших детей в точности повторяли поведение изможденных взрослых.

Это гнетущее впечатление, возможно, усиливало отсутствие в данном помещении хоть какой-нибудь яркой краски. Все было серым и мрачным. Даже одежда людей по цвету ничем не отличалась от окраски стен, которые смотрелись чуть светлее, чем более темный пол. Голые ноги обитателей тоже были серыми от ввевшейся пыли, покрывавшей не только улицу, но и сам дом.

Не исключено, что царившему в избе молчанию способствовал мой визит. Слышалось только постукивание молотка мастера, и я радовался про себя, что мне, как гостю, не предложили позавтракать вместе с хозяевами. Закурив и выпустив облако дыма, чтобы приглушить неприятный запах, я угостил сигаретой и мастера, протянув ему свою пачку. Хозяин отдал сигарету жене, та прикурила ее от зажженной лучины и вернула мужу. По глубоким затяжкам сапожника мне стало ясно, что он привык к более крепкому табаку.

Наконец мои сапоги были готовы – свежeproшиты и пробиты, и я поспешил надеть их. К чести мастера надо признать, что они верой и правдой прослужили мне еще несколько месяцев.

Собираясь уходить, я протянул мастеру руку. Все обступили меня и по-русски произнесли приветственные слова. Уже на улице мне бросилось в глаза, что вся семья столпилась у окна и стала наблюдать за мной из-за потрескавшихся и заклеенных во многих местах оконных стекол.

«Вряд ли эти люди обрадовались столь неожиданному визиту немецкого солдата, однако он не мог не вызвать у них хоть каких-нибудь чувств», – подумалось мне тогда, так как из головы не выходило выражение глубокого безразличия на их лицах.

Перед нашей дивизией была поставлена задача выйти юго-восточнее Смоленска к железнодорожному узлу Ельня. Рядом с нами шел пехотный полк «Гроссдойчланд», который являлся элитной воинской частью германских сухопутных войск. Мы продвигались вперед, почти не встречая сопротивления, и нам казалось, что длинный путь на Восток свободен, а главные силы советской армии полностью разбиты. Все были уверены, что эта война окажется такой же молниеносной, как и другие военные походы.

Меньше чем через три недели в середине июля мы взяли городок под названием Ельня и сверх того, нанеся удар, создали плацдарм радиусом примерно восемь километров. Моему дивизиону было приказано занять позиции в крайней восточной точке по центру выступа фронта, в то время как большинство немецких частей находилось еще далеко позади.

Первые несколько дней прошли относительно спокойно. Русские, правда, пытались атаковать в нескольких местах, но безуспешно. В штабе полка, который мне часто доводилось посещать по служебным делам, стало известно содержание радиogramмы противника о том, что Сталин поручил командовать советскими войсками под Ельней маршалу Тимошенко⁵¹

⁵¹ Ельнинская операция была частью крупномасштабного наступления советских войск трех фронтов: Западного (командующий нарком обороны СССР маршал Тимошенко С.К.), Резервного (командующий генерал армии Жуков Г.К.) и Брянского (командующий генерал-лейтенант Еременко А.И.). Брянский фронт был сформирован 14 августа 1941 г. на стыке Центрального и Резервного фронтов для прикрытия Брянского направления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.